FI
4582

Научная библиотека СПбГУ
1002123493

Abb. FI 458,

А. И. МОЛОК

Домашняя библиотека

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА
И
КРЕСТЬЯНСТВО

ПРОБЛЕМА СМЫЧКИ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ В РЕВОЛЮЦИЮ 1871 ГОДА.

Смир. Г. ин-т

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1925 — МОСКВА

Ft 4582

ТИПОГРАФИЯ
ГОСУД. ИЗДАТ
имени ГУТЕНБЕР.А
ЛЕНИНГРАД.
СТРЕМЯННАЯ, 12.

88/11

Гиз № 10790. Ленинградский Гублит № 9036. 15,000 экз.

Коммуна хотела подчинить сельских производителей умственному руководству окружных городов и обеспечить им в городских рабочих естественных представителей их интересов.

К. Маркс. «Гражданская война во Франции».

Париж хочет земли для крестьян, орудий труда для рабочих работы—для всех.

Из воззвания Коммуны к «трудящимся деревни».

ПРОВЕРКА
2007 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Проблема смычки трудящихся города и деревни есть величайшая проблема не только русской пролетарской революции, но и всей международной борьбы рабочего класса против капиталистической кабалы и за будущее коммунистическое общество. Без союза с многомиллионными крестьянскими массами русский пролетариат не мог бы ни свергнуть своей буржуазии, ни удержать в своих руках государственную власть, ни вывести страну из тупика голода и разрухи на светлую дорогу настоящего и навстречу еще более светлому будущему. Без союза с трудящимся сельским населением не будет в достаточной степени обеспечен успех пролетарской революции ни в одной капиталистической стране мира.

Парижская Коммуна 1871 года, эта первая революция, совершенная пролетариатом, погибла именно потому, что не смогла привлечь на свою сторону крестьянские массы Франции, которые позволили и помогли буржуазии задушить восставший город.

А между тем, как показал Маркс в немногих строках своей бессмертной «Гражданской войны», крестьянство могло бы при известных условиях пойти за Коммуной, которая одна могла дать удовлетворение его жизнен-

ным интересам и насущным потребностям. Но коммунары недостаточно сознавали всю важность этой проблемы — смычки с крестьянством — и потому, а также в силу ряда объективных причин (изолированность осажденного версальцами Парижа от остальной Франции, кратковременность существования Коммуны под непрерывным огнем неприятеля), не сделали ничего или почти ничего для привлечения на сторону революции населения деревень.

Не следует однако думать, что единственным документом, в котором Коммуна выразила свое отношение к крестьянскому вопросу, был знаменитый манифест Андре Лео и Бенуа Малона «к трудящимся деревни», появившийся 10 апреля в газете «La Commune». Научное изучение Коммуны подвинулось еще так мало, что даже автор лучшей русской работы по истории революции 18 марта Н. Лукин-Антонов в главе, посвященной Коммуне и крестьянству, не дает ничего, кроме разбора упомянутого манифеста да еще одной малоизвестной (и весьма слабой) прокламации от 28 апреля [1]). Тщетно было бы искать каких-либо новых материалов в прочей литературе как русской, так и французской.

Между тем в газетах эпохи Коммуны можно найти отдельные замечания, а иногда и целые статьи, посвященные вопросу об отношении революции к крестьянству и крестьянства к революции, при чем проблема смычки города и деревни ставится порой поразительно верно и глубоко. Правда, в общем это были только единичные и далеко не самые авторитетные в Коммуне го-

---

[1]) Во 2-м издании своей книги (Изд-во «Коммунистической Академии» 1924) Н. Лукин-Антонов добавил к этим двум документам еще *одну* статью Андре Лео.

лоса, и подобно тому как одна ласточка еще не делает весны, так и все эти Андре Лео, Луи Дажэ, Ж. Ришпены и прочие забытые ныне публицисты 1871 года не смогли сколько-нибудь заметно повлиять на крестьянскую политику Коммуны. Это обстоятельство не умаляет однако того исключительного значения и интереса, который в свете победоносной пролетарской революции в России приобретают попытки, хотя и робкие и неуверенные, первого в истории рабочего правительства подойти к величайшей проблеме современного рабочего движения — проблеме смычки с крестьянством.

Настоящий очерк — представляющий в основной своей части доклад, читанный на открытом заседании Научного Общества Марксистов 11 мая 1924 года — есть первая попытка осветить вопрос об отношении коммунаров к проблеме смычки с деревней на основе новых материалов, извлеченных мною из руководящих органов революционной прессы 1871 года и неизвестных ни широкой публике, ни исследователям.

Научная и политическая важность темы побуждает меня не откладывать печатания этой работы до того времени, когда в процессе дальнейшего изучения источников и буду располагать, может быть, более исчерпывающим материалом.

А. Молок.

Ленинград. Февраль 1925 г.

ВВЕДЕНИЕ.

За двадцать лет до Коммуны, анализируя гибель мелкого крестьянского участка и растущее разорение французской деревни, попавшей в цепкие лапы капитала, Маркс писал: «Итак, интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, капиталa, — как это было при Наполеоне (I), — а в противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят себе естественного союзника и вождя в городском пролетариате (курсив Маркса), призванном ниспровергнуть буржуазный строй» [1]).

«От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства, в общественную собственность», — так формулировал полвека спустя гениальную мысль Маркса Ленин на основании такого же анализа конкретной русской действительности [2]).

---

[1]) К. Маркс. «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта». С. П. Б. Изд. Г. Львовича 1906; стр. 93.

[2]) «Искра» № 3, апрель 1901 года. («Собрание сочинений». Том IV, стр. 27).

С тех пор (и в особенности с 1905 года) эта идея входит важнейшим составным элементом в учение Ленина.

Союз рабочих и крестьян необходим, прежде всего, потому, что «силой, способной одержать решительную победу над царизмом, может быть только народ, то-есть пролетариат и крестьянство... Больше некому одержать решительную победу над царизмом», общим врагом всего народа. Разрозненные усилия обоих классов не приведут ни к чему: «победоносным борцом за демократизм он (пролетариат) может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства». А эта масса, рано или поздно, но неизбежно «станет оплотом революции и республики, ибо только вполне победившая революция сможет дать крестьянству все в области земельных реформ, все то, чего крестьянство хочет, о чем оно мечтает, что действительно необходимо ему... для того, чтобы подняться из тины полукрепостничества, из мрака забитости и холопства...». Ближайшей задачей русской революции после свержения царизма объявляется «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Значение участия крестьянства в революционном правительстве выражено категорически: «Если бы мы не могли опереться кроме пролетариата и на крестьянство... тогда дело «удержания власти» было бы безнадежно» [1]).

В ноябре 1905 года, в разгар революционной борьбы, приветствуя собравшийся в Москве съезд крестьянского союза, Ленин подчеркивает, что «красное знамя,

---

[1]) Две тактики «социал-демократии в демократической революции». («Собрание сочинений». Том VI, стр. 335, 339, 370, 358).

которое поднято в городах, есть знамя борьбы за ближайшие и насущные требования не только промышленных и сельских рабочих, но и за требования миллионов и десятков миллионов мелких земледельцев» [1]).

Проходит полгода. После неудачи декабрьского восстания революция заметно идет на убыль, реакция торжествует. Но Ленин убежден, что «расстрелы, реакция, дубасовщина не задавят, а разожгут движение»; надо только позаботиться о том, «чтобы новый вал восстал российский пролетариат в новой боевой готовности». Для этого, он должен обратить особое внимание на вопрос о земле, который «больше всего волнует крестьянскую массу»; крестьяне же теперь (после предательства либеральной буржуазии) «стали главными и почти единственными союзниками рабочих в революции». «Надо напрячь все усилия, чтобы союз социалистического пролетариата и революционного крестьянства окреп и вырос ко времени неизбежной грядущей развязки нынешнего политического кризиса. В этом союзе и только в нем залог успешного решения вопроса о «всей земле» для крестьян, о полной свободе и полной власти для народа» [2]).

---

[1]) «Новая Жизнь» № 11 от 12 ноября 1905 г. Статья «Пролетариат и крестьянство» («Собрание сочинений», т. VII, ч. 1, стр. 17).

[2]) «Партийные Известия» № 1 от 7 февраля 1906 г.—«Волна» № 15 от 12 мая 1906 г. («Собрание сочинений», т. VII, ч. I, стр. 72, 250, 252).—Расслоение крестьянства и вытекающую из этого расслоения тактику сельского пролетариата Ленин формулирует следующим образом: «вместе с крестьянской буржуазией против всякого крепостничества и против крепостников-помещиков, вместе с городским пролетариатом против крестьянской и всякой другой буржуазии, такова «линия» сельского пролетария и его идеолога социал-демократа». («Вперед» № 11 от 10 марта 1905 г.). Статья «Пролетариат и крестьянство».

«Развязка» наступила в октябре 1917 года, когда «окрепший и выросший» союз рабочих и крестьян навеки разрушил самодержавие царя и самодержавие капитала и на развалинах буржуазно-дворянской монархии заложил основы нового рабоче-крестьянского государства. Смычка пролетариата с многомиллионными крестьянскими массами стала лозунгом Российской Коммунистической Партии и руководимого ею Коммунистического Интернационала, этого боевого штаба грядущей мировой революции.

Заслуга Ленина не только в том, что он сумел доказать и обосновать необходимость тесного союза рабочего класса и крестьянства в борьбе с царской монархией и капиталистическим строем, но еще более в том, что ему удалось осуществить этот союз, чтобы затем на посту вождя первого в мире рабочего государства продолжать дело освобождения трудящихся всего мира, начатое Лениным-эмигрантом.

В истории классовых битв пролетариата отсутствие у последнего крепкой связи с крестьянством всегда оказывалось роковым. Об этом красноречиво говорят поражения французского прлетариата в июне 1848 года и в мае 1871. Анализируя уроки последнего, в полном согласии с Марксом Ленин писал: «В Европе 1871 г. на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплоатирует их. Разбить эту машину, сломать ее — таков действительный интерес «народа», большин-

ства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза бедней-ших крестьян с пролетариями, а без такого союза не-прочна демократия и невозможно социалистическое преобразование.

К такому союзу, как известно, и про-бивала себе дорогу Парижская Ком-муна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего харак-тера» [1]) (курсив мой. *А. М.*).

Идейная и организационная слабость парижского пролетариата в 1871 году помешала ему развить надле-жащую пропаганду в провинции и привлечь на свою сторону многомиллионные крестьянские массы, без уча-стия которых победа пролетарской революции была не-возможна. С другой стороны, несмотря на растущее разорение и бесчисленные тяготы, французская деревня 1871 года все же не так сильно была заинтересована в ниспровержении существующего социального строя, как крестьянство до-революционной Франции, которое в 1789 году штурмовало дворянские замки и уничто-жало феодальные документы, чтобы завоевать себе сво-боду и землю.

Предоставленные самим себе, отрезанные от осталь-ной Франции железным кольцом версальских войск и «нейтральной» германской солдатчины (готовой в лю-бую минуту броситься на восставший Париж и помочь Тьеру задушить революцию), обливаемые потоком са-мой гнусной клеветы, — коммунары могли только пасть в неравной борьбе, явив удивленному миру зрелище небывалого героизма.

---

[1]) В. Ленин. «Государство и революция» (Москва. Ки-во «Коммунист». 1919), стр. 53.

Изучение документального материала, который оставила после себя Коммуна, показывает, что, если она и не сумела «пробить себе дорогу» к союзу с крестьянскими массами, то попытки (правда, не очень многочисленные) в этом направлении делались, и в голосах, громко говоривших о необходимости смычки с деревней, как условия, без которого невозможна победа, — недостатка не было.

Но, прежде чем приступить к рассмотрению относящихся сюда документов, бросим беглый взгляд на положение французской деревни к концу второй империи, на те бесчисленные язвы, от которых страдало тогда громадное большинство французского крестьянства, и залечить которые могла, по выражению Маркса, «Коммуна и только Коммуна».

Великая революция конца XVIII века сделала французского крестьянина полным собственником его земельного участка, освободив его от всех феодальных повинностей. Прикупкою земли из фонда конфискованных революцией церковных и эмигрантских владений значительные слои крестьянства еще расширили свои участки, а все крестьянство в целом, получило известную долю при разделе общинных земель.

Однако, ход экономического развития Франции в XIX веке мало-по-малу отнимает у крестьян те выгоды и приобретения, которых они добились во время революции. Общая площадь крестьянского землевладения почти не увеличивается, зато с ростом населения происходит усиленное дробление участков. Преобладающим типом крестьянского владения в 1862 году (по данным министерства земледелия) оказывается участок разме-

ром от 1 до 10 гектаров (таких собственников насчитывалось 2.435.401); средних хозяйств насчитывалось 636.309 и крупных (свыше 40 гектаров) — 154.167 [1]). Около двух миллионов крестьян (в официальной анкете 1862 г. они не подсчитаны) имели менее 1 гектара; находились и такие, вся собственность которых заключалась в жалком клочке земли в 2 ара, «настоящие сельские пролетарии», батраки, работающие по найму у зажиточных крестьян [2]).

Другим, после малоземелья, бичом тогдашней французской деревни являлась все возраставшая задолженность крестьянина. Вечно нуждаясь в деньгах (на уплату государственных налогов, на улучшение хозяйства, на прикупку земли, на расходы по бесконечным и дорогим судебным процессам), крестьянин попадал в цепкие лапы ростовщического капитала. Отсутствие дешевого кредита, высокий процент, еще усугубляли тяжелое положение мелкого «собственника». Сумма ипотечных займов уже в 1840 г. составляла 12½ миллиардов [3]).

Земледелие уже не может существовать без капитала, поэтому вопрос о кредите для него вопрос жизни и смерти. Но напрасно мечтают о даровом или хотя бы дешевом государственном кредите (который дал бы возможность не прибегать к кошельку жадных ростовщиков) и крестьяне и крупные землевладельцы. Правительство Наполеона III, видевшее свою главную опору в крупно-промышленной и финансовой олигархии, оставалось глухо к требованиям землевладельческих классов: банкир, который, как вампир, «высасы-

---

[1]) Michel Augé-Laribé «L'évolution de la France agricole». Paris 1912, p. 103. — Гектар — 7/8 десятины

[2]) Н. Лукин (Н. Антонов). «Парижская Коммуна 1871 года». Москва, 1922, стр. 21, 23. — Ар = 0,01 гектара.

[3]) Там же, стр. 21.

вал у крестьянства кровь и мозг», был главным союзником империи, которая, с своей стороны, служила ему мечом (мексиканская экспедиция) и щитом (против рабочих).

Общество Поземельного Кредита, основанное в начале империи и получившее солидную правительственную субсидию, очень скоро превратилось в машину для выкачивания денег из деревни. Правда, в начале, при выдаче ссуд под залог недвижимости, общество должно было довольствоваться 5%, но уже в 1853 г. % был повышен до 5,95, а в 1854 г. всякие ограничения в этом смысле были отменены. В распоряжение общества были предоставлены официальные сборщики податей, «которые получали от общества награды, если им удавалось убедить крестьян, полных уважения и доверия к ним, как к государственным чиновникам, подписаться на билеты Поземельного Кредита». Результаты оказались блестящими. Зажиточное крестьянство охотно раскрывало свои кошельки. Директор Общества Поземельного Кредита Фрема мог с гордостью заявить в 1866 г. в Палате: «Я имею право говорить о том, что такое сбережения нашего народа: мне достаточно-таки приходится иметь с ними дело; они притекают в мои руки в количестве даже бо́льшем, чем мне нужно». Леонс Лаверн с грустью писал в «Revue des Deux Mondes» от 16 апреля 1866 г.: «Очевидно, что капиталы уходят из земледелия. Мелкие собственники понимают, что было бы безумием затрачивать деньги на земледелие, когда есть возможность обменять их без труда и хлопот на удобоподвижные процентные бумаги, приносящие 5, 6, 8 и даже 10% дохода, и, кроме того, представляющие приманку в виде премий и лотерейных выигрышей. Не поправляют более построек, не за-

ботятся об исправном содержании скота, не расширяют культуру кормовых трав, а покупают мексиканские и итальянские бумаги».

Собранные таким образом капиталы уже не вернулись в деревню, а были потрачены в Париже на спекуляцию и в Египте на финансирование разного рода предприятий [1]).

Если такой сюрприз ждал зажиточные слои крестьянства, то каково же жилось в царстве банкиров мелкому собственнику?

«Как только жатва убрана, — писал в 1866 г. д'Этерн («О земледельческом кризисе»), — хлебные торговцы и мельники объезжают деревни. Крестьянин задолжал, его преследуют, ему угрожают отнятием собственности, и вот они являются к нему и заставляют его согласиться на самые невыгодные условия. Эти сделки производятся в таких обширных размерах и обнищавших крестьян так много, что цена на хлеб стоит всегда весьма низко в продолжение трех или четырех месяцев после жатвы. Затем она поднимается на два франка, но эти два франка потеряны для производителя и достаются посреднику, совершенно излишнему» [2]).

Чтобы как-нибудь свести концы с концами, крестьянину приходится несколько дней в неделю работать по найму у более зажиточных односельчан и помещиков, а также искать подсобных заработков, совмещая сельское хозяйство с промышленным трудом. В Оверни и на юге Франции плетут кружева и соломенные шляпы

---

[1]) П. Лафарг. «Движение поземельной собственности во Франции», «Устои», 1882, № 6: стр. 41—42.

[2]) П. Лафарг. «Движение поземельной собственности во Франции», «Устои», 1882, № 3—4; стр. 163.

и шьют перчатки; в северо-западных департаментах, в Севеннах и в департаментах, соседних с Лионом, ткут и прядут шерсть и шелк; эти работы составляют источники доходов крестьянской семьи. Заказчиками являются городские купцы, они же снабжают крестьян сырьем. Занимаются крестьяне и отхожими промыслами, уходя на зиму из деревень на заводы и в шахты; из департамента Крёзы и из Оверня обнищавшие крестьяне уходят в Париж в качестве каменщиков или грузчиков. В иных местах эти промыслы принимают характер массовых переселений. По словам цитированного выше Леонса Лаверня («L'agriculture et la population», 1857), «число каменщиков, ушедших из департамента Крёзы в 1856 году, равнялось 50.000, тогда как всех жителей было 287.000; уходит, следовательно, больше $^1/_5$ части или все мужское и здоровое население».

Но капитализм, проникая во все поры экономики страны, угрожает обеим формам подсобного заработка малоимущего крестьянства. Развитие машинного производства наносит удар деревенской кустарной промышленности: ручная пряжа уничтожена уже окончательно, кружева производятся машиною, дорогие шелковые и бархатные ткани — на фабриках, и только гладкие шелка и фуляры ткутся еще отчасти в деревнях. С другой стороны, и «периодические переселения крестьян в промышленные города уже не удовлетворяют потребностям крупного фабричного производства. Орудия производства составляют крупную ценность; они не могут оставаться праздными в продолжение части года, чтобы подчиняться удобствам крестьянского населения. Каждый день отдыха фабричного орудия производства приводит к громадным убыткам, потому что проценты на затраченный капитал нарастают постоян-

но, работает ли машина или нет, а порча ее сильнее в бездействии, чем во время полного хода. Рабочее население крупной промышленности не должно быть кочующим; оно должно оставаться на месте даже тогда, когда нет работы, для того, чтобы целая армия рабочих была всегда готова к услугам дорого стоящего орудия. Оно должно быть неподвижно и предано исключительно промышленному производству; оно разорвало связь с земледелием. Вот одна из основных причин быстрого роста городского населения за счет сельского». Этот рост можно иллюстрировать следующими цифрами:

На каждые 100 жителей приходилось:

	Городского населения.	Сельского населения.
1851 г.	25,52	74,48
1856 »	27,31	72,69
1861 »	28,86	71,14
1866 »	30,46	69,54
1872 »	31,12	68,88 [1]).

Как видим, пролетаризация мелкого крестьянства шла довольно большими шагами.

«Крестьянин-собственник, — пишет Лафарг, — это жалкое наследие буржуазной революции 1789 года, предназначен к истреблению нашим капиталистическим обществом, в более или менее близком будущем» [2]). Он живет в постоянном страхе за свою «собственность», у которой множество врагов в лице «сборщиков податей, судебного пристава, таинственного городского

---

[1]) П. Лафарг, цитированное сочинение. («Устои», 1882, № 3—4, стр. 166—168).

[2]) П. Лафарг, цитированное сочинение. («Устои», 1882, № 3—4, стр. 172).

банкира, местного кулака-ростовщика, префекта и так далее» [1]).

Искусственное орошение полей, иностранные семена, паровые плуги, косилки, молотилки и прочие агрономические и технические усовершенствования знакомы ему, по большей части, только понаслышке. Он не только беден, не имеет капиталов, но еще и безнадежно узкий рутинер, с недоверием относящийся ко всяким новшествам. Он питает инстинктивный страх перед ними. Естественно, что и производительность мелкого крестьянского участка гораздо ниже производительности равного ему по величине участка, входящего в состав крупного владения, где ведется более интенсивное хозяйство.

Картину общей неприглядности, нищеты и отсталости французской деревни в эпоху второй империи дополняет жалкое состояние народного просвещения. «В деревнях, на заводах, удаленных от крупных центров, в крестьянских домах нет ни перьев, ни бумаги, ни карандашей, ни грифельных досок, ни одной книги, если не считать неизбежного календаря, который может поразить своей древностью, или старого, запыленного молитвенника, забытого в глубине ящика два поколения назад». По данным официальной статистики браков, в 1866 году более 25% (25,86) вступающих в брак мужчин и более 40% (40,98) женщин не умели подписать своей фамилии. «При этом не надо забывать того, что можно уметь начертать свое имя и не знать больше ничего. Множество рабочих и крестьян находится в таком положении; достаточно взглянуть на их подписи, которые походят скорее на какие-то таин-

[1]) Н. Лукин, цитированное сочинение, стр. 23.

ственные иероглифы, чем на буквы». Очень неутешительна также статистика неграмотных новобранцев. В 1867 г. на 100 новобранцев приходилось 23 не умеющих ни читать, ни писать; в 1868 г. средний процент неграмотных новобранцев составлял 21,04 и в 1869 г. — 20,16. «Это прогресс, разумеется, но какой медленный!» — восклицает Жюль Симон. «Итак, заканчивает он, если присчитать сюда девушек, можно утверждать, что четвертая часть французского народа в двадцать лет не умеет читать». Официальная статистика 1870 года констатировала наличие 417472 детей от 7 до 13 лет, совершенно лишенных образования [1].

Школ было мало. Если в 1850 г. насчитывалось 60.679 начальных школ, а в 1863 — 68.761, то этот прирост надо почти целиком отнести за счет увеличения церковных школ; действительно, за это время число церковных школ увеличилось на 6.794, а светских — только на 1.288. Женские школы почти целиком находились в руках духовенства. Несмотря на формальную «свободу образования», провозглашенную еще в 1850 году (закон Фаллу), светским школам становится все труднее тягаться с церковными. По закону, в случае открытия учительской вакансии, местная коммуна могла высказаться за приглашение либо светского, либо духовного учителя. Но монахи употребляют все усилия, чтобы с помощью местного помещика, мэра и кюрэ обработать мужицкие головы и добиться приговора о замещении вакансии духовным лицом. Народные учителя с республиканскими и социалистическими взглядами устраняются из деревенской школы [2].

---

[1]) J. Simon. «L'Ecole». 8 éd. Paris 1874; p. 223—228.
[2]) А. Тома. «История Второй Империи». С. П. Б. 1908; стр. 67—68.

«Образование, — пишет Арну, — оставалось в руках монахинь, невежественных монахов и жалких учителей. Эти учителя, плохо оплачиваемые, голодные, прислуживающие попу, вынужденные бояться гнева полевого стражника, мэра, ректора, епископа, министра, окончательно падают духом и нравственно опускаются. Образование, идущее из их вероломных или невежественных рук, не только не угрожает власти, но становится его лучшей опорой, обманывая учащихся» [1]).

Неудивительно, что политический кругозор крестьянина не распространяется за пределы его округа. «Всецело поглощенный заботами о своем жалком хозяйстве, французский крестьянин еще с конца Великой революции перестал принимать активное участие в политической жизни. Но он привык ждать от города только худого. Едва доносившиеся до деревни отголоски поднимавшегося рабочего движения отражались в голове крестьянина, как попытка грабителей-социалистов отнять у мужика его землицу и свести со двора последнюю корову. Попы, помещики и буржуазные газеты, спекулировавшие на крестьянском невежестве, только укрепляли его в этих нелепых предположениях.

Под влиянием смутных воспоминаний о Наполеоне I, который закрепил за крестьянами доставшиеся им во время революции клочки и с помощью крестьянской армии создал свою империю, 10 декабря 1848 г. реакционная деревня голосовала за его племянника Луи Бонапарта, а затем одобрила государственный переворот 2 декабря 1851 г., надеясь, что будущий император вернет крестьянству его былое политическое значение. Бонапарт, разогнавший буржуазный парламент

---

[1]) А. Арну. «Народная история Парижской Коммуны». Петроград 1919; стр. 75.

и восстановивший всеобщее избирательное право, сделался в глазах крестьян настоящим крестьянским императором» [1]). Но крестьян ждало жестокое разочарование.

Именно во время империи, давшей могучий толчок капиталистическому развитию, мелкая крестьянская собственность гибнет с ужасающей быстротой в тисках капитала. С другой стороны, на нее же в конечном счете ложится вся тяжесть государственных налогов, идущих на содержание невероятно разросшегося бюрократического аппарата; она же должна оплачивать бесконечные войны и колониальные авантюры императорского правительства, не говоря уже о том, что рекрутчина надолго отрывает цвет крестьянской молодежи от полевых работ.

И если в майский плебисцит 1870 года, обрабатываемый жандармом, попом и помещиком крестьянин все еще голосует за империю, то война 1870 года, стоившая Наполеону III трона, неслыханный военный и политический разгром Франции должны были показать ему, наконец, истинную цену лозунга «империя — это мир» и явиться жестоким испытанием его «бонапартизма».

Но вместе с тем эта война еще более отдалила Париж от крестьянской Франции, еще более усилила старую рознь и взаимное непонимание городского пролетариата и крестьянства. Готовое, по словам Бланки, «продать Францию за свой огород», крестьянство громко требовало мира во что бы то ни стало. Наоборот, в городском пролетариате (особенно в Париже) преобладали патриотические настроения: считалось, что и после капитуляции Парижа еще не все потеряно, что войну можно и должно вести до последней крайности.

---

[1]) Н. Лукин, цитир. сочинение, стр. 23—24.

«Настроение крестьянства было превосходно учтено и использовано всеми контр-революционными силами, поставившими своей задачей вооружить деревню против республики и революционного Парижа. Попадавшие в провинцию реакционные газеты изображали столичных пролетариев сторонниками всеобщей дележки, ворами и поджигателями, мятежными солдатами, никогда не желавшими сражаться, поднимавшими восстания в виду неприятеля и парализовавшими своими выступлениями энергию таких доблестных генералов, как Трошю, и таких мудрых государственных людей, как Жюль Фавр. Бонапартистские и тьеровские агенты говорили крестьянам, что пруссаки уйдут из Франции только в том случае, если парижане перестанут противиться заключению мира. И деревенский избиратель давал своим кандидатам вполне определенный мандат: «избавьте нас от пруссаков, а если вам мешают парижане, избавьтесь и от них» [1]). Париж, в течение 4-х месяцев отрезанный от всей остальной Франции, не успел еще, после снятия осады, восстановить утерянную связь с провинцией и развернуть в двухнедельный срок сколько-нибудь значительную республиканскую агитацию, тем более, что из 89 департаментов 43 были оккупированы неприятелем. В результате деревня послала в Собрание заведомых монархистов (легитимистов, орлеанистов и даже бонапартистов), прикрывавших свои реакционные вожделения столь приятным крестьянскому сердцу лозунгом «мира во что бы то ни стало». В Национальном

[1]) Н. Лукин, цитир. сочин., стр. 110. «По поводу этого голосования газета «Père Duchêne (№ 14 от 29 марта 1871 г. стр. 3) справедливо замечала, что «эти бедняги-крестьяне были призваны к голосованию прежде, чем родились для политической жизни», и что «в их руках всеобщее голосование все равно, что нож в руках ребенка».

Собрании на 750 депутатов оказалось 450 монархистов, из них два принца орлеанского дома. Нетрудно было предвидеть, на чью сторону станет крестьянство в назревающем конфликте между пролетарским Парижем и буржуазно-помещичьей палатой в Версале, особенно когда этот конфликт примет форму открытой гражданской войны, которая вновь отрежет столицу от остальной франции, и даст возможность Тьеру и буржуазной печати безнаказанно клеветать на восставший город и возбуждать против него население деревень.

I.

20 марта. Правительство и регулярная армия бежали в Версаль. Париж в руках национальной гвардии и ее Центрального Комитета. Как поведет себя провинция? Какую позицию займут мелкая буржуазия городов и крестьянские массы? Центральный Комитет, устами своих уполномоченных в редакции «Официальной Газеты», выражает надежду, что «департаменты, узнав истину, воздадут должное населению столицы...», чему до сих пор препятствовала «нелепая, гнусная клевета» реакционной печати, которая должна будет рано или поздно «признать и оценить его республиканский дух, его мужество и самоотверженность». «Выборы 1869 г. и плебисцит доказали, что большие города одушевлены тем же республиканским духом, что и Париж», и потому можно надеяться «на серьезное, энергичное содействие департаментов в настоящих обстоятельствах, и на помощь их в деле возрождения (страны), за которое новая власть принялась среди величайших опасностей». «Деревни дружно последуют примеру городов (Les campagnes seront jalouses d'imiter les villes); провинция, присоединившись к столице, докажет Европе и всему миру, что вся Франция желает избежать внутренних раздоров и кровопролития» [1]).

[1]) «Journal officiel» de la Commune, 20 марта 1871. (Дальше просто «Journal officiel»).

Опьянение легко одержанной победой, уверенность в правоте своего дела, незнание провинции, — все это в достаточной степени объясняет оптимизм, которым дышит этот документ. Ход событий оказался иным. Коммуналистское движение в городах пронеслось, как метеор, и погасло так же быстро, как и вспыхнуло. Кампания лжи и клеветы все усиливалась. Изолированность Парижа все возростала. Деревня не подавала признаков жизни, хотя некоторые из выставленных Парижем лозунгов не могли, казалось бы, пройти в ней незамеченными. Так, решение Центрального Комитета «строго соблюдать предварительные условия мирного договора (с Пруссией), во имя спасения республиканской Франции и дела общего мира», должно было бы вырвать из рук контр-революции один из важнейших (в глазах крестьян) козырей, а провозглашение принципа, что «большая часть контрибуции, наложенной на Францию безжалостным победителем, должна быть уплачена виновниками этой проклятой войны», т.-е. бывшими сановниками империи, крупными землевладельцами и промышленными магнатами, — привлечь симпатии крестьянства к революционному Парижу [1]).

Надо полагать, что до деревни эти лозунги не доходили. Военный кордон, отсутствие правильных почтовых и телеграфных сообщений, бдительный полицейский надзор за всем, что выходит из Парижа, делали версальское правительство монополистом по части «информации» провинции о парижских событиях. Достаточно прочитать циркуляры Тьера и Пикара к префектам, чтобы убедиться в том, как искусно пользовалось правительство своим монопольным положением, чтобы втоптать в грязь парижское движение и восста-

1) «Journal officiel», 20 и 21 марта 1871

новить против него всю Францию. «В Париже царит анархия», «Париж во власти гнусных тиранов», «парижские инсургенты грабят общественные кассы», «население Парижа ждет не дождется своего избавления и взывает к департаментам о помощи для водворения порядка», — неизменно повторяют на все лады официальные сообщения версальского правительства.

28-го марта, в день провозглашения Коммуны, Тьер телеграфирует в провинцию: выборы прошли при полном абсентеизме «друзей порядка» и потому не могут считаться законными. Промышленная жизнь, которая начала было возрождаться в городах, вновь замерла, и если рабочим опять придется голодать, то виной этому будут парижские инсургенты и только они. «С своей стороны, крестьяне, которые с нетерпением ждут ухода неприятеля, должны знать, что, если он затягивает свое пребывание на нашей территории, то этим они обязаны тем же (парижским) мятежникам, из-за которых германская армия и отсрочивает свой уход» [1].

Можно себе представить, какое впечатление производила эта контр-революционная агитация, свободно разливавшаяся в стране, на отсталые крестьянские массы!

Чтобы сильнее разжечь пламя гражданской войны, реакция не останавливается ни перед чем. 19 апреля, в разгар борьбы, в «Официальной Газете» Коммуны появляется следующая заметка: «Несколько газет, по словам «Paris libre», опубликовали следующую депешу: «Укрепленный Район — Военному Министерству. — Домбровский сообщает, что спрятанные в домах крестьяне убили у нас несколько человек. Они были схвачены и тут же

[1]) P. Lanjalley et P. Corriez. «Histoire de la révolution du 18 mars». Paris 1871; p. p. 142, 146, 154, 183.

расстреляны. — Анри». Депеша сопровождается злостными комментариями. Коммуна, которая не знала об этой депеше до опубликования ее газетой «Paris libre», встревожилась. Гражданин Анри, начальник штаба укрепленного района, был немедленно вызван в Исполнительную Комиссию, где объявил, что депеша подложна» [1]).

Напрасно взывает Коммуна «к департаментам»: «Вас обманывают, братья..., не поддавайтесь на удочку чудовищных измышлений версальских роялистов. Поймите, что Париж борется и сражается в настоящую минуту столько же для вас, сколь для себя...» [2]), — ее голос не доходит до провинции.

Но провинция состоит из городов и из деревень, и если в этом и в других заявлениях Коммуны обе группы населения слиты в одном понятии «провинция», «департаменты», — в других документах они строго различаются. Есть документы, специально посвященные городам, и другие, обращенные только к крестьянству. Встречается в них и понимание классового расслоения: в городах — пролетариат, мелкая буржуазия и крупный (промышленный и банковский) капитал, в деревнях — крестьянская беднота, кулаки и помещики.

В прессе вопрос об отношении к крестьянству ставится с первых же дней. Характеризуя классовую сущность революции 18 марта, газета «Социальная Революция» в своем первом номере писала: «На этот раз социальная революция произойдет не к выгоде буржуазии или крестьянства. Буржуа и крестьяне завоевали себе права. Революция совершится в интересах городских рабочих». И дальше: «Будьте уверены, бур-

---

[1]) «Journal officiel», 19 апреля 1871. (Курсив мой. *А. М.*).
[2]) «Journal officiel», 7 апреля 1871. («Aux départements»).

жуа и крестьянин, дело идет не о том, чтобы лишить вас плодов ваших завоеваний; вы законно владеете благоприобретенным. Но мы требуем теперь своих прав, как 80 лет тому назад вы добивались своих. Дело идет не о том, чтобы занять ваше место, но получить место рядом с вами. Мы можем итти параллельно...» [1]). Революция совершена пролетариатом и направлена против крупной или (как она называется в статье) высшей буржуазии (la haute bourgeoisie); мелкой буржуазии и крестьянству (которое представлено здесь собственническим классом) она не угрожает, относится к ним дружески-нейтрально и такого же дружеского нейтралитета ждет от них.

Крестьянству, как классу, нечего делать в революции, ибо это революция рабочих, пролетариата, — говорит цитированная выше статья. Крестьянству, как населению деревень, нечего делать в этой революции, ибо она чисто парижская, городская, и может превосходно обойтись без деревни, — говорит статья Одилона Делималя (Odilon Delimal), одного из редакторов «Коммуны» [2]).

С горечью и злобой передового и культурного парижанина обрушивается Делималь на крестьян, этих «рабских людей, которым мы обязаны 18 годами империи, увенчавшимися иностранным вторжением и разгромом». Франция — больной, который дошел до такого состояния, что, если не последует немедленного поворота к лучшему, смерть неминуема. Париж не хочет умирать, он доказал это 18 марта. «Народ с прекрасными и высокими идеями» (ce peuple aux idées gé-

[1]) «La Sociale», 31 марта 1871. («La Révolution sociale en 1789 et en 1871»).

[2]) «La Commune», 21 марта 1871 («Autonomie de Paris»).

néreuses et fières), он доказал, что не хочет больше терпеть, чтобы грубая материя и далее господствовала над мыслью, невежество — над умственной культурой, суеверия и предрассудки — над разумом, деревня — над городом. Его (Париж) упрекают в том, будто он посылает крестьянам по телеграфу каждый раз уже готовые правительства — на самом же деле, крестьяне навязывают ему свою волю, а не наоборот; именно они подносят ему такие сюрпризы, как империю, плебисциты, а в недавнем прошлом, депутатов, которые, если и удовлетворяют тупоголовых мужиков, то на парижан производят впечатление «каких-то выходцев с того света». «Пора положить конец этому безобразию. Довольно терпеть нам их (крестьян) иго. Они приняли переворот 2 декабря, который мы осудили; они одобрили войну, которую мы отвергли; они оставили на произвол судьбы страну, которую мы хотели защищать; а в довершение всего, они хотели еще навязать нам короля! Довольно! Легковерие этих простоватых людей обошлось нам слишком дорого... Мы можем подняться без них (nous pouvous nous relever sans eux); с ними мы можем только пасть еще ниже. Им нравится рабство; это их дело. Мы же предпочитаем независимость, свободу. Только пусть не прикасаются к нам. Пусть каждый будет хозяином у себя. Пусть деревни сами управляются как хотят (que les villages s'administrent eux-mêmes). Это их дело... Большие города поступят точно так же (les grandes villes en feront autant). Это их право — и Париж, а за ним Лион уже воспользовались им...» (курсив мой. *А. М.*).

Итак, Париж может обойтись без провинции, рабочий класс — без мелкой буржуазии и крестьянства.

Эта иллюзия, конечно, понятна в те первые дни после бескровной победы 18 марта, когда революция действительно напоминала ту «прекрасную, голубую реку», о которой писал Валлэс.

Впрочем, в это же время находим и другую постановку вопроса. Во втором номере своей газеты Феликс Пиа писал: «...Свободный Париж — в свободной Франции. Дело идет не только о свободе Парижа, но также о свободе всей Франции. Первая не может существовать без второй. Франция рабов нападет на свободный Париж, если только свободный Париж не освободит порабощенную Францию...» [1]).

Гюстав Добэ (Gustave Daubès) в статье, озаглавленной «Париж и Франция», характеризуя «революцию, вышедшую из 18 марта», как «отрицание прав власти» (1871 est la négation des droits du pouvoir), как разрыв с вековой «монархической традицией» политического централизма, задумывался над причинами «ненависти, существующей между большими городами и деревней» (cette haine existant entre les grandes villes et la campagne).

Система политического централизма, — говорит он, — сеет рознь между большими городами и деревней. Центры умственной жизни страны должны подчиняться отсталой деревенщине, которая неизменно навязывает им, с помощью плебисцитов и выборов, монархическую форму правления. Чрезмерный же централизм приводит к тому, что и деревня ненавидит город, в особенности столичный, где сосредоточена вся государственная власть, отнимающая у нее, как, впрочем, и у городских коммун, всякую инициативу и самостоятельность. Выход из этого тупика, предлагаемый Добэ, явно прудонист-

[1]) «Le Vengeur», 31 марта 1871. (Курсив мой. *А. М.*).

ского происхождения: децентрализация и свободная федерация коммун. «Франция гибнет от того, что ее умственные центры раздавлены под тяжестью невежественных масс, от того, что у центральной власти слишком много силы. Другие страны Европы идут по тому же гибельному пути, отдавая себя во власть цезаризма (Германия, *А. М.*). Постараемся же отказаться от своих предрассудков и смело установить федералистский строй на место монархической традиции централизма. Этим путем мы спасем самих себя и Европу!» [1]).

То же неприязненно-недоверчивое отношение к деревне, как к темной, реакционной силе, находим в большой статье «Революция 1871 года» (La Révolution en 1871), принадлежащей перу депутата Национального Собрания, рабочего Милльера (Millière), расстрелянного версальцами в майские дни на ступеньках Пантеона. Констатируя «загнивание господствующего класса» (la classe dominante tombe en putréfaction) и процесс французской цивилизации неминуемую гибель, если Франция останется в руках разлагающейся капиталистической олигархии, — Милльер ждет спасения Франции от одного пролетариата, который должен, как он выражается, «поглотить капитал» (absorber le capital). Не входя в подробное рассмотрение и в анализ этой туманной прудонистской формулы (дабы не уклониться от нашей темы), отметим только, что под «пролетариатом» Милльер разумеет здесь т р у д я щ и е с я м а с с ы, в самом широком смысле слова — рабочих, крестьян, интеллигенцию и даже мелких торговцев (quand nous parlons du travail, nous l'envisageons sous toutes ses formes, agricoles, industrielles, scientifiques, artistiques et commerciales). Буржуазия, —

1) «La Commune», 31 марта и 1 апреля 1871.

продолжает он, — должна слиться с этим пролетариатом и образовать с ним один класс, народ. Спрашивается, готов ли в настоящее время французский пролетариат к осуществлению этой задачи возрождения страны? «В Париже и в некоторых других больших городах — да, пролетариат достаточно подготовлен к тому, чтобы с успехом взяться за дело. Но в большинстве маленьких городов, и в особенности в деревнях (et surtout dans les villages) он еще не способен на это. В этом-то и состоит главная помеха коммунальной революции, начатой в Париже (c'est là le graud écueil de la révolution communale commencée à Paris). Если бы эта революция, которая призвана переродить весь мир, совершалась на всем протяжении Франции, тогда можно было бы начать действовать снизу (procéder par la base). Но, если теперь предоставить каждой коммуне организоваться по собственному усмотрению, то, вместо того, чтобы продолжать дело цивилизации, она его уничтожит. Вместо того, чтобы итти вперед, французское общество вернется назад, к мраку средневековья, и мы будем свидетелями такой чудовищной реакции, какой не видали даже в эпоху выборов деревенщины, которая составляет большинство версальского собрания» [1]).

С этой характеристикой крестьянства, как слепого орудия в руках реакционеров, как темной, «невежественной массы, способной поверить всему» (une masse ignorante, carable de tout croire) [2]), мы еще встретимся неоднократно.

В обширной статье, посвященной критике декларации Коммуны «к французскому народу» от 19 апреля,

[1]) «La Commune», 3 апреля 1871. (Курсив мой. *А. М.*).
[2]) «La Commune», 22 апреля 1871.

Миллье вновь возвращается к вопросу о крестьянской темноте и заявляет, что без умственного и политического руководства города деревня обойтись не может.

Останавливаясь на выдвинутой Коммуной программе, он находит в ней два недостатка: 1) в ней слишком много общих фраз, ничего не прибавляющих к тем «банальностям, которые распространены в публике относительно требований Парижа, — упрочения Республики и автономии Коммуны»; 2) она высказывает совершенно ложные идеи по вопросу о коммунальной автономии. Каждый гражданин, в какой бы коммуне он ни жил, везде должен находить учреждения, обеспечивающие ему свободное развитие его способностей, свободное приложение его энергии и личную безопасность. «Образование, свобода труда, свобода личности, свобода совести являются п р и р о ж д е н н ы м и правами (курсив мой, *А. М.*), которые общество обязано ему гарантировать, в какой бы местности он ни находился, независимо от духа и направления той коммуны, где он живет». Учреждения, имеющие целью обеспечить каждому человеку пользование его неотъемлемыми правами, суть национальные учреждения и должны создаваться в национальном масштабе (а не по усмотрению каждой коммуны в отдельности, как сказано в «декларации к французскому народу»), общенациональными законами, выработанными представителями всей нации. Действовать иначе, значит проводить не децентрализацию, а дезорганизацию, вызвать к жизни столько политических систем, сколько существует коммун, отняв у них тем самым всякую возможность сговориться между собой и объединиться. Разноголосица получилась бы ужасающая. В то время как большинство городов установило бы у себя демократический строй,—

деревни, под влиянием попов и реакционеров всех мастей, воскресили бы у себя древние теократические, автократические или аристократические учреждения. В то время как одни коммуны ввели бы у себя светское образование, другие отдали бы школу в руки монахов, а третьи вовсе уничтожили бы ее. «А это привело бы, в конце концов, к раздроблению Франции, уничтожению ее национального духа и отбросило бы нас назад, к самым мрачным временам средневековья» [1]).

Умственное превосходство города над деревней подчеркивает и социалистка Андре Лео (André Léo — псевдоним г-жи Champseix), один из самых блестящих публицистов-теоретиков Коммуны. «Статистика показывает, — писала она, — что сельское население безграмотно, ограничивается церковной проповедью и святцами (réduits au prêche et à l'almanach), в то время как в городах умеют читать, писать, даже, в бо́льшей или меньшей степени, мыслить, рассуждать и вырабатывать собственное мнение» [2]).

Жорж Дюшен (Georges Duchêne), ученик Прудона и видный писатель-экономист, горько жалуется на узость горизонта крестьянина и его равнодушие к «великим проблемам», которые волнуют Париж. Это равнодушие, — говорит он, — ярко выразилось при выборах в Национальное Собрание, куда деревня послала только депутатов-монархистов, «опору трона и алтаря». Гораздо осмотрительнее оказывается крестьянин при выборе своего общинного совета; неудивительно: здесь затронуты его кровные интересы [3]).

---

[1]) «La Commune», 22 апреля 1871.
[2]) «La Sociale», 18 апреля 1871.
[3]) «La Commune», 2 апреля 1871. (Статья «Évolutions possibles».)

Самый последний крестьянин отлично знает, какие дороги и где нужно проложить; у него собственный взгляд на право пользования пастбищами, на право рубки дровяного леса, на лесничую повинность. Он превосходно сознает пользу прачешной, школы, плотины. Он по опыту знает, хорошо ли охраняют его культуры и урожай жандарм и полевой стражник. Он и без префекта знает, какой вред причиняют гусеницам майские жуки. Более развитые головы задают себе и такие вопросы: какой налог справедливее, прогрессивный или пропорциональный; не причиняют ли пошлины, взимаемые при провозе вина, больше вреда хозяйству страны, чем дают доходов казне; вопросы, которые центральная власть избегает ставить на плебесцит, по понятным причинам.

Но, хорошо разбираясь в своих узко-местных вопросах, крестьянин не хочет видеть дальше своего носа. Интересы всей области, всего департамента ему чужды. Житель плоскогория не видит для себя необходимости участвовать в работах по ограждению долины от разлива реки, которая ему угрожать не может. Зачем ему тратить деньги на то, что его не касается?

Он не понимает, что наволнение, разоряя жителей долины, задевает этим и его, так как лишает его возможности сбывать туда свои продукты.

Вывод, к которому приходит Дюшен из наблюдения над крестьянской ограниченностью, следующий: прямые выборы, которые, как показал «печальный опыт последних двадцати лет всеобщего избирательного права», оказались несостоятельны, должны быть заменены непрямыми. Только в больших городах выборы протекают с полной сознательностью, и только под руководством городов крестьяне будут осуще-

ствлять свои избирательные права без ущерба для самих себя и для интересов всей страны [1]).

Днем раньше Камилл Клодон (Camill Clodong) писал, что большие города, добившись коммунальной автономии, «путем просвещения приведут крестьянина к признанию республиканского строя, который ему тем более выгоден, что он составляет большинство нации». «Это будет началом французской федерации, которая, с своей стороны, послужит сигналом к федерации различных государств Европы» [2]).

На «досадное разделение» (une division fâcheuse), установленное империей между деревней и городом, и необходимость восстановить между ними равновесие и связь указывал и другой публицист из «Коммуны», Анри Марэ (H. Maret) [3]).

А будущий секретарь Комитета Общественного Спасения, Анри Бриссак (H. Brissac), на страницах той же газеты, факту «разобщенности города и деревни» (le divorce des villes et des campagnes), созданной монархическим строем, противопоставлял идеал «морального, интеллектуального и экономического единства» страны, которое явится результатом «федерации республиканских коммун». «Это единство — писал он, — сулит нам победу в близком будущем и спасет Францию» [4]).

«Заблудшие братья, люди плуга, которых посылают убивать людей прилавка или мастерской (fréres égarés, hommes de la charrue, par lesquels on fait tuer les hommes de la

[1]) «La Commune», 31 марта 1871. (Статья «Nécessité de parler net». II).

[2]) «La Commune», 30 марта 1871. (Статья «Le schisme)».

[3]) «La Commune», 27 апреля 1871.

[4]) «La Commune», 2 апреля 1871. (Статья «Les fausses unitès».)

boutique ou de l'atelier)», — так выражался о крестьянах другой видный публицист эпохи, Пьер Дени (Pierre Denis) [1].

Это сознание, что крестьяне — братья, что трудящиеся города и деревни составляют одну семью, что у них общие интересы и общие враги, что Париж борется за освобождение как тех, так и других, не покидает большинства коммунаров; даже зрелище крестьянской армии, осаждающей и бомбардирующей Париж, при полном «нейтралитете» крестьянских масс, не может ослабить его.

«Мы представляем социальную революцию, — писал Казимир Буи (Casimir Bouis), — и эта революция ведет за собой целую армию эксплоатируемых, обездоленных, угнетенных, т.-е. всю Францию» [2].

Тот же Казимир Буи выражал надежду, что «...при виде потоков крови и слез, Жак Простак (Jacques Bonhomme — крестьянин. *А. М.*) поймет, наконец, во что обходится народу отречение от своих прав» (намек на плебисциты, которыми деревня из года в год поддерживала империю Наполеона III. *А. М.*) [3].

Анри Бриссак, отмечал, что, на-ряду с рабочим, ремесленником и служащим, хлебопашцем (le laboureur) тоже является «жалким рабом капиталистов и привилегированных» [4].

---

[1]) «Le Cri du Peuple», 8 апреля 1871.—Газета «Père Duchêne» (№ 14 от 29 марта 1871), констатируя общность интересов трудящихся города и деревни (пока крестьянин остается рабом, не может быть свободен и городской рабочий), писала, что долг Коммуны «просветить» крестьян.

[2]) «Le Cri du Peuple», 9 апреля 1871. (Статья «La Révolution»).

[3]) «Le Cri du Peuple», 22 апреля 1871. (Статья «Les départements»).

[4]) «La Commune», 4 апреля 1871.

«Ничто не сможет устоять против единения пролетариев», пролетариев станка и пролетариев плуга, - читаем в газете «Социальная Революция» [1]).

Пьер Дени подчеркивал, что борьба, которая идет под стенами Парижа, ведется как в интересах города так и в интересах деревни: «это борьба нового мира со старым, ...восстание порабощенного против своего поработителя, крепостного против помещика, городской индустрии против финансового и землевладельческого феодализма» (курсив мой. *А. М.*) [2]).

В другом месте, сравнивая борьбу между Парижем и Версалем с происходившей за несколько лет перед тем в Америке войной северных штатов с южными, он писал, что «подобно Югу, Версаль представляет монархическую, аристократическую и католическую традицию, эксплоататоров и крупное землевладение. Как тогда Юг, Версаль представляет помещиков» [3]) (курсив мой. *А. М.*).

Зерна аграрной программы находим у Жоржа Дюшена. Констатируя разложение мелкой крестьянской собственности под действием экономической эволюции Франции, он в числе каст, которые должна уничтожить революция, упоминал крупное, привилегированное землевладение, которое своей конкуренцией душит мелкого сельского хозяина [4]).

Об этом писала и газета Вермеша-Эмбера-Вильома, этих наследников Гебера: «...необходима еще одна хо-

---

[1]) «La Sociale», 28 апреля 1871.

[2]) «Le Cri du Peuple», 20 апреля 1871. (Статья «Notre Révolution»).

[3]) «Le Vengeur», 16 апреля 1871.

[4]) «La Commune», 15 апреля 1871. (Статья «La Révolution ou la mort»).

рошая революция (une bonne Révolution), которая передаст землю в руки тех, кто ее обрабатывает» [1]).

В программе возникшей во время Коммуны Федерации Департаментских Союзов (Fédération des Associations Départementales), которая объединяла парижан — уроженцев провинции и должна была служить как бы мостом между Парижем и остальной Францией, два пункта имели в виду, между прочим, крестьянство и его интересы: это § 6, который гласил: «пересмотр раскладки государственных налогов», и § 7 о создании общедоступного промышленного и земледельческого кредита (crédit populaire agricole et industriel) [2]) Вопрос об ипотечном кредите (crédit hypothécaire), вместе с вопросами об ипотечном долге, тяготевшем на крестьянской земле, о ренте и о сельском пролетариате, — выдвигал на очередь и Жорж Дюшен в одной из своих первых статей [3]).

Изыскивая средства для уплаты в кратчайший срок пяти миллиардов военной контрибуции и ликвидации германской угрозы, Жорж Дюшен предлагал следующие три меры: 1) налог на капитал, 2) обложение виновников войны (сенаторов, депутатов, министров, членов государственного совета, префектов и других сановников империи), 3) конфискацию церковных имуществ. Эти мероприятия будут иметь непреходящее значение, так как явятся настоящими «ударами молота по старому зданию каст и привилегий». Обложен однако должен быть только «нетрудовой доход» (la rente oisive), т.-е. только тот, кто «не работает, но заставляет работать дру-

[1]) «Le Père Duchêne», 29 жерминаля 79 года (18 апреля 1871), стр. 3.

[2]) «La Sociale», 12 мая 1871.

[3]) «La Commune», 30 марта 1871. (Статья «Nécessité de parler net»).

гих». Крестьянин, работающий на своей земле, ремесленник, работающий со своими инструментами, равно как и другие мелкие собственники, должны быть освобождены от этого налога: они и без того платят государству немало денег в виде всевозможных податей, патентов и косвенных налогов (на предметы широкого потребления). Проектируемый налог на капитал, правда, в уменьшенном размере, останется в силе и после уплаты военной контрибуции.

Дюшен возлагает на него большие надежды: «...он поможет нам освободиться, наконец, от пошлин, которыми обложены предметы потребления, и результатом которых является отравление потребителей фальсифицированными продуктами питания и вымирание народа на почве дороговизны (l'anémie du peuple par la cherté)».

Для успешного проведения в жизнь такой неслыханной по своей смелости меры, — говорит он, — придется, может быть, обратиться к деревенскому населению с особым разъяснением и призвать крестьян путем плебисцита санкционировать ее (или отвергнуть).

Впрочем, «с плебесцитом или без плебесцита, но революция — это единственная власть, которая может дать стране дешевое управление и найти средства, не стесняя при этом производства (la Révolution est le seul pouvoir qui puisse administrer le pays à bon marché et créer des ressources sans entraver la production)» [1]).

В середине мая, резюмируя программы обеих борющихся сторон, Жорж Дюшен вновь возвращается к «налогу на капитал, гарантирующему производителя от

---

[1]) «La Commune», 2, 3 и 5 мая 1871. (Статья «Les prévisions de demain»).

всякого увеличения обложения» (l'impôt sur la rente garantissant la production contre tout surcroît de charges).

Среди других благодетельных для крестьянства последствий торжестав Коммуны здесь упоминаются: уничтожение рекрутчины и постоянной армии; выборность судей; упразднение бюджета культов; широчайшая автономия коммун (в том числе право бесконтрольного распоряжения своими средствами); отказ от империализма во внешней политике (в роде печальной памяти мексиканской и других авантюр); республика и связанный с нею гражданский мир; упразднение паразитизма чиновников, миллионных окладов, майоратов; удешевление почтово-телеграфных и железнодорожных тарифов и понижение пошлин на сырье, а значит и цен на продукты городской промышленности (металлургической и др.) [1].

Хотя в этом перечне реформ и отсутствует (случайно) упоминание об одной из важнейших для крестьян реформе — доступном земледельческом кредите, — можно все же с известным правом сказать, что эта программа была столь же крестьянской, сколь и городской, и что в победе Коммуны крестьянская Франция была также заинтересована, как и Франция городских рабочих.

«В Париже, в Бордо, в деревне, как и в городе, проблемы не две, а только одна — деревенская и городская вместе (le probléme n'est pas double; il est unique: rural et citadin)», — писал Дюшен, заклиная провинцию не ограничиваться платоническими протестами, но оказать реальную помощь Парижу [2].

---

[1]) «La Commune», 16 мая 1871. («Synthèse des programmes»)
[2]) «La Commune», 13 мая 1871. (Статья «Paris et la province»).

II.

Переходим к статьям и документам, *специально* посвященным крестьянству и вопросу о смычке с ним. Здесь, на первом месте, хронологически, должна быть поставлена статья Луи Дажэ (Louis Dagé), «Что думает провинция» (Ce que dit la province).

Автор констатирует, что «общественное мнение провинции благоприятно Парижу», что «поддержка больших городов обеспечена» Коммуне, которая найдет в них сколько-угодно горячих и преданных бойцов. Иначе обстоит дело в деревнях.

«Наши крестьяне реакционны оттого, что невежественны, и оттого, что монархисты всех оттенков эксплоатируют в своих интересах эту их деревенскую тупость (cette imbécilité rurale). Так, сейчас, например, в глазах крестьян, Республика повинна в войне. Республика повинна в увеличении податей, Республика повинна в параличе торговли». К этому присоединяется еще следующий «припев» (refrain), который реакционеры нашептывают на ухо крестьянину и который оказывает немалое действие на его «неповоротливый ум» (l'esprit obtus): Париж хочет навязать вам кровожадное правительство, но этого не должно быть. Париж не имеет права вечно навязывать свою волю провинции. Вы составляете большинство, заставьте же себя уважать. «Таким путем реакция старается восстановить

против Парижа сельских пролетариев (les prolétaires agricoles). Наглая клевета, ибо эти рабы земли (ces serfs de la glèbe) хорошо знают, что своими плебисцитами сами заставляли нас в течение 20 лет терпеть империю и ее слуг». — «Впрочем, нечего беспокоиться: деревни не нападут на Париж... Сельские пролетарии удовольствуются тем, что заявят протест голосованием». Как же избежать этой опасности?

«В своем политическом поведении крестьянин руководится всегда только одним соображением — материальным интересом. Если он (к стыду Франции) еще привязан к павшей династии, то это происходит от того, что цены на продукты и товары всякого рода поднялись до неслыханной прежде высоты. Это он заявляет открыто; эти убеждения у него как в душе, так и на языке... Таково положение вещей: оно печально, но оно таково.

И вот, если мы хотим воздействовать на умонастроение деревенского населения, мы должны, одновременно с политическим переворотом, произвести и социальную революцию... Уничтожить ненужные должности, а главное — уменьшить налоги, переложив прусскую контрибуцию на плечи тех, кто вовлек нас в эту безумную войну, и конфисковав церковные имущества, такова цель, которую мы должны себе поставить. Но, до тех пор, пока вы не предложите ему ничего другого, кроме простой перемены лиц или новой формулы правительства, — население деревень не поймет вас.

Другое дело, если вы понизите огромные оклады высшего чиновничества, упразд

ните ненужные должности, уменьшите налоги, организуете труд и кредит на основе кооперации,—тогда и крестьянин не сможет устоять против очевидности. Видя рядом с собой большой город, где наступил золотой век работников, он скажет себе: «Мой собственный интерес требует, чтобы я последовал этому примеру» [1]).

Интересную и богатую мыслями статью по вопросу о смычке с крестьянством находим в газете Рошфора «Mot d'Ordre», отражавшей идеологию радикальных слоев мелкой буржуазии и интеллигенции, в союзе с которыми пролетариат совершил революцию 18 марта. Статья озаглавлена «Деревенская революция» (La Révolution rurale) и принадлежит перу некоего Ж. Ришпена (J. Richepin).

Автор утверждает, что «революция 18 марта, которую до сих пор определяют как коммунальную, могла бы с полным правом также быть названа деревенской».

«С первого взгляда может показаться странным давать парижскому движению эпитет, который употребляют, как бранный, по адресу версальского правительства. Но дело в том, что есть деревенщина и деревенщина, как есть мужик и мужик (il y a rural et rural, comme il y a fagots et fagots). Есть деревенщина Собрания, богатые землевладельцы и сельские дворянчики (riches propriétaires et gentilshommes campagnards), избранные милостью попов и против воли прихожан; и есть сами прихожане, крестьяне, которые голосовали, не зная за кого. Не следует смешивать тех и других; не следует думать, что первые являются истинными представителями вторых. Депутаты (Национального Собра-

[1]) «La Commune», 1 апреля 1871; (Курсив мой, *А. М.*).

ния, *А. М.*) враждебны революционной идее из материальных интересов, их избиратели — по непониманию (Les élus sont rebelles à l'idée révolutionnaire, par intérêt; leurs électeurs le sont, par intelligence). С одной стороны, мы имеем обманщиков, а с другой — обманутых, и только первые — нам враги. Они неисправимы. согласен. Но другие, заблудшие (les égarés), что мешает им присоединиться к нам? Недостаток понимания.

Вся беда в том, что до сих пор принято было представлять этим беднякам Республику в таком виде, что они не могли ее понять. По примеру 89 года, им говорили о принципах свободы мысли и совести, о правах человека и тому подобных вещах, прекрасных и возвышенных, конечно, но именно чересчур возвышенных для их понимания. Бедные люди, они слишком привыкли сгибать голову к земле, чтобы быть в состоянии поднять глаза так высóко. Они не поняли. Была ли это их вина? Нет. А можно ли было надеяться привлечь их, раз они не понимали? Тоже нет. Но, может быть, следовало попытаться силою притянуть их? Еще менее того. Нужно было найти средство просветить их.

Это средство, вот оно — коммунальная революция. В этой форме Республика станет понятной и близкой крестьянам. Больше того; они, в сущности, пропитаны этой коммунальной идеей, пожалуй, даже более, чем мы. В ней, как они не замедлят в том убедиться, ключ к удовлетворению их интересов. Внутреннее самоуправление деревни; самостоятельное разрешение ею разных вопросов местной жизни, как-то, вопроса о починке дороги, вопроса о культуре полей, удóбрении, разведении бы

ков и свиней, вопроса о денежных делах, — вот это понятно крестьянам, вот этого они жаждут, вот этого они будут добиваться с нашей помощью. Свобода, право, демократия, — все это они примут с радостью, лишь бы оно было облечено в форму коммунальной революции. Таким путем они станут республиканцами по расчету, пока время, привычка и образование не сделают их республиканцами из принципа (Ils seront ainsi républicains par intérêt; en attendant que le temps, l'habitude et l'instruction les rendent républicains par principe).

Так ширится и растет с каждым днем эта революция 18 марта, совершенная Парижем во имя муниципальных прав Парижа, — наилучшая и плодотворнейшая форма Республики, единственная, которая способна привлечь массы и придать этому правительству всего народа (à ce gouvernement de tous par tous) численную силу (la force du nombre), которая сделает неприступным и самое право (qui rendra inattaquable la force du droit).

Города уже давно обратились к этой форме правления; нужно было привлечь к ней симпатии деревень (il fallait y gagner les campagnes). Коммунальная революция выполнит эту задачу.

Вот почему мы называем ее революцией, по существу деревенской (essentiellement rurale); и вот почему также она внушает такой страх версальской деревенщине» [1]).

Различие между этой статьей и статьей Луи Ажэ сразу бросается в глаза. В то время, как социалистический орган подчеркивает важность социальной революции, экономических реформ (уменьше-

[1]) «Le Mot d'Ordre», 10 апреля 1871. (Курсив всюду мой, А. М.)

ие налогов, организация кредита и пр.), которые, по его мнению, одни только и могут убедить крестьянство привлечь его симпатии на сторону Парижа, — мелкобуржуазный публицист думает заинтересовать крестьянство чисто политическим лозунгом самоуправляющейся деревенской общины, подчиняя ему более насущные хозяйственные нужды и податные льготы сельского населения.

Впрочем, увлечения политическим лозунгом автономной коммуны не избежал и экономист Жорж Дюшен. Критикуя законы об общинном самоуправлении, действовавшие во время второй империи и отнимавшие у членов общины всякую тень самостоятельности (бюджет коммуны утверждался префектом, вся деятельность общинного совета находилась под строжайшим контролем и наблюдением префекта), он писал: «...Хотите вызвать ненависть и презрение к версальскому правительству даже самой глухой деревушки и заставить ее взяться за оружие? Нет ничего проще. Распространить этот перечень стеснений, которыми префекты тормозят жизнь и деятельность коммун, и объявить: Париж — за отмену этих ограничений; Версаль — за их сохранение. Тогда увидим, удастся ли обмануть даже самого неграмотного мужика...». И дальше: «Если бы эти сведения были распространены повсеместно, вплоть до последней деревушки, они вызвали бы крестовый поход крестьян против режима централизации (la croisade des paysans contre la centralisation)» [1]

Особый интерес представляет большая статья члена Коммуны Ж.-Б. Клемана (J. B. Clément) «Мужички из

---

[1]) «La Commune», 19 апреля 1871 (Статья: «La charte communale»).

Баньолэ» («Les Croquants de Bagnolet»), появившаяся в печати в первых числах мая.

Она интересна в двояком отношении. Во-первых, в ней приведены конкретные факты, показывающие, какую форму принимал иной раз пресловутый «нейтралитет» крестьянства в гражданской войне между Парижем и Версалем; во-вторых, в отличие от громадного большинства коммунаров, Клеман видит в крестьянстве не угнетаемую государством и разоряемую капиталом сельскую бедноту, но класс зажиточных, крепких мужиков, ревниво оберегающих приобретенную во время революции собственность, землю. Эта точка зрения извращает и упрощает современную деревенскую действительность, смешивая в одну кучу тонкий слой сознательно реакционного кулачества и темные массы бессознательно реакционных мелких крестьянских собственников и сельских батраков. Для Клемана крестьянство как бы застыло на 1789 — 1794 годах; он совершенно игнорирует (или не знает) всю экономическую эволюцию Франции за протекшие с тех пор восемьдесят лет, превратившую крепкий собственнический класс конца XVIII века в класс падающих мелких собственников и полупролетариев ко времени Коммуны. Нечего и говорить, с какой тенденциозностью изложена в этой статье великая революция, представленная как дело рук одного городского населения, давшего крестьянам и землю и волю.

Статья Клемана так велика, что мы приведем из нее только наиболее интересные, по нашему мнению, места.

Давно сдерживаемое негодование на крестьянство прорывается с первых же строк:

«Уже давно собираюсь я поговорить как следует, с отсталыми мужичками, что живут под сенью коло-

кольни, в стране красной смородины и кисленького винца.

...Несколько добрых граждан из Баньолэ хотели провозгласить Коммуну, революционную Коммуну. Что же сделали мужички? Они пошли к пруссакам и заявили, что хулиганы и босяки посягают на их собственность. Красные и «разделисты» (les rouges et les partageux) хотят, мол, отобрать у них жен и детей, занять их дома и выгнать их вон.

Вчера, четыре национальных гвардейца, выйдя за линию городских укреплений, неосторожно забрели в Баньолэ, куда и до войны частенько захаживали распить бутылочку винца и отведать заячьего рагу, благодаря чему дела местных трактирщиков шли не плохо. Что же сделали мужички? Они вызвали жандармов и выдали их.

Разве это не гадко и не подло? После этого, разве вы не самые отсталые крестьяне из прилегающих к Парижу деревень?..

Неужели вы думаете, что революция так и будет длиться без конца, что Париж так всегда и будет в блокаде? А если нет, то, как по-вашему, эти парижане, которых вы так ненавидите, имели бы право нагрянуть к вам в один прекрасный день и потребовать у вас отчета в ваших поступках?..

Как! вы ненавидите Париж и его обитателей! За что это? За то ли, что б е з него были бы ничем? За то ли, что делаете, благоларя ему, деньгу, привозя нам каждое утро на рынок свой щавель, редиску, землянику и рыбу? За то ли, что увозите наше серебро, чтобы схоронить его потом в своем погребе или запрятать в свой шерстяной чулок? что умеете нас эксплоатировать. а мы даемся вам в руки?

На эту тему я мог бы говорить с вами до завтрашнего дня; но время не терпит, а я хочу поскорее высказать вам всю правду.

Как, неотесанные, неумытые, дурно одетые даже в праздник, вы позволяете себе быть бо́льшими роялистами, чем сам король (être plus royalistes que le roi)! Вы позволяете себе нелепую фантазию гретировать как «красных и разделистов» доблестных граждан, которые вытащили вас из грязи! Вы забываете, повидимому, ...чем вы были бы еще и сейчас, не будь их!

Что ж, раз ваше невежество заходит так далеко, я напомню вам это, но предупреждаю, что, так же как и вы, церемониться при этом не буду (je ferai comme vous, je ne mettrai pas de gants pour ça).

Не будь их, вы все еще были бы теми вьючными животными, которых нещадно секли в четырнадцатом столетии. Вы были бы теми жалкими людишками, теми голодными и нищими Жаками, у которых забирали все, вплоть до последней тряпки, которая сушилась на изгороди, чтобы платить сеньору и содержать его любовниц... Люди, именующие себя неизвестно почему благородными, отнимали бы у вас ваших дочерей и бесчестили бы их. Вы должны были бы терпеть право первой ночи, которое состояло в том, что сеньор мог проводить первую брачную ночь с любой из ваших невест, которая пришлась бы ему по вкусу. Вам пришлось бы еще нести разные повинности, как-то десятину, соляной налог, и платить все дьявольские подати, изобретенные попами и знатью. Вы не имели бы для себя ни пяди земли; вы были бы рабами одних и слугами других.

Ваши дети росли бы невежественными и грубыми, жал-
кими земляными кротами (culs terreux).

Чтобы положить этому конец, предки тех, кого вы
зовете красными и «разделистами», в один прекрасный
день вышли из своих подвалов и заявили, что воздух
и солнце должны принадлежать всем. Вооружившись
вилами, дубинами, цепами, пиками и старыми ружьями,
они ринулись на ваших поработителей. Они умерли
за вас, за то, чтобы вы были богаты, — их
собственные же дети остались бедня-
ками; а вы ненавидите их и оскорбляете!

Из рабов они сделали вас людьми. Они вступили
в открытый бой с королевской властью, с дворянством
и с духовенством. Вы были безыменной массой, они
дали каждому из вас имя. Вы значили меньше, чем со-
баки, они создали для вас Декларацию Прав Человека.

Эту знать и этих попов, которые уже столько веков
назад захватили в свои руки всю землю..., они победили
и уничтожили. Все, что те украли у вас, эти красные
вновь вернули вам; они наложили руку на их поместья
и объявили их национальным имуществом. Они при-
звали вас и произвели справедливый раздел всех бо-
гатств, выжатых из вашего пота и ваших усилий...

Они дали вам избирательные права, они завоевали
для вас место под солнцем, они начертали вам путь
вперед.

Ныне, эти красные, эти «разделисты»
не хотят допустить, чтобы у вас отняли
все это. Сами они остались безвестными бедняками.
Вы сеете хлеб, от которого им не перепадает и крошки;
они не смеют даже сорвать василька в поле. Ваши дети
пышут здоровьем, в то время как их дети нередко
бледны от голода.

Они добиваются для себя Коммуны, такой, какую вы имеете у себя,— а вы бежите за штыками, чтобы заколоть их. Они приходят к вам по старой привычке, как и каждую весну, отведать заячьего рагу и нарвать лилий, — а вы выдаете их жандармам!..

Вы заслуживаете и другого упрека: вы — утвердительные голоса всех императорских плебисцитов, вы — тормазы прогресса (les écrevisses du progrès), дезертиры правого дела (les déserteurs de la justice), противники дела свободы (les réfractaires de la liberté).

Вам мы обязаны бедствиями, которые обрушились на нас, а вы даже не покраснеете от стыда! Лишь бы ваши виноградники цвели, колосья наливались; лишь бы ваши пьяные рожи лоснились, животы округлялись, и кошельки наполнялись; вам наплевать на то, что душат свободу и что мы умираем за нее (vous vous fichez qu'on égorge la liberté et que nous en mourrions)!» [1]).

Разумеется, только крестьянская буржуазия, а не крестьянство вообще, могла принять на свой счет заключительную тираду. Если по отношению к Коммуне оно, действительно, держалось сплошной реакционной массой, то в своем хозяйственном бытии оно отнюдь не представляло единого целого, а нарисованная Клеманом картина экономического благосостояния деревни страдала чрезмерным оптимизмом, изображая кулака как г о с п о д с т в у ю щ и й тип крестьянина [2]).

Наиболее яркую формулировку идея смычки с крестьянством нашла в статье «Франция с нами»

---

[1]) «Le Cri du Peuple», 3 мая 1871. (Курсив мой, *А. М.*).

[2]) Интересно отметить, что само правительство отлично понимало социальную неоднородность крестьянской массы и боялось волнений среди ее низших слоев. Префект департамента

(La France avec nous), принадлежащей перу социа-
листки Андре Лео.

9 апреля она писала:

«Париж — один против всех. Ни одного союзника! Всюду только грозные враги! Во-первых, пруссаки. Но не будем говорить о них: они держатся смирно, к тому же все, что могло быть сделано в этом направлении, уже сделано. И все же их присутствие есть один из важнейших поводов к неудовольствию провинции против парижской революции.

Во-вторых, так называемое Национальное Собрание. Само по себе, оно было бы ничто, если бы не имело за собой провинции. Но провинция не с ним. Провинция стыдится своего дела. Результаты выборов были большим сюрпризом для монархистов, а крестьяне, как всегда, голосовали сами не зная за кого, лишь бы получить мир, так как, считая себя жертвою предательства, отчаялись в победе.

Провинция! Вот, где опасность, вот, где трагедия! Париж в настоящую минуту ненавидит и проклинает провинцию, а провинция ненавидит и проклинает Париж. Между ними выросла гора лжи и клеветы. Они не знают друг друга и несправедливы друг к другу.

Сены-и-Уазы в своем докладе парламентской следственной комиссии по делу о восстании 18 марта прямо заявлял, что, хотя за все время Коммуны не было зарегистрировано ни одного случая открытого проявления симпатий к Парижу со стороны населения департамента, однако таковые симпатии несомненно существовали «среди городских и сельских рабочих»: «В самом деле, если в общем деревенское население богато и настроено консервативно, то вместе с тем в нем имеется большое количество *сельских работников* (ouvriers des champs), лишенных всякого морального чувства (!) и склонных к беспорядкам». («Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871». Paris 1872; p. 151).

В этом они оба неправы, а Париж, как более развитой, пожалуй, и более неправ. Он должен был как из чувства долга, так и ради самых дорогих для него интересов, просветить население деревень. Все его усилия должны были быть направлены в эту сторону. Он же пренебрег провинцией и не принял ее в расчет, в уверенности, что сможет увлечь ее за собой. Провинция давила его, а он ее не чувствовал, она колола ему глаза, а он не замечал ее, она держала его за горло, а он забывал о ней. Он видел перед собой только империю и не хотел понять, что провинция это и есть империя. За это ему пришлось поплатиться двадцатью двумя годами рабства. Увы! он попрежнему думает, что может действовать без провинции и против нее, и сейчас в этой неравной борьбе, он кажется на волосок от гибели, придавленный к земле тяжелым коленом крестьянина, своего заблудшего брата (terrassé sous le robuste genou du paysan, son frère égaré).

А между тем их интересы одни и те же. У них одни и те же угнетатели и одна и та же цель — справедливость и свобода. Жестокое недоразумение одно разделяет их. Кто его рассеет?.. Ах, если бы об этом подумали раньше!.. Но теперь не время предаваться горьким сожалениям... Нужно найти слово, которое разом выразит все; молнию, которая разорвет тучу.

Но прежде необходимо выяснить, кто мы и кем хотим быть? Силой или правом?.. Достойным образом поддерживать свои верования, выказать в полном блеске идею, которой имеем честь быть представителями, не затуманивать ее своими ошибками... дабы не смутить

ек, кто за людьми не видит идей... Наконец, нужно понять самих себя, чтобы быть понятыми другими, избрать себе роль и цель и твердо итти к ней.

В настоящее время выбор уже сделан... Париж-Коммуна должен был бы подчиниться Собранию. Париж, восставший против Собрания, это уже не К о м м у н а, а р е в о л ю ц и я. (Paris-Commune devait accepter l'Assemblée. Paris ennemi de l'Assemblée n'est plus la C o m m u n e, il est la R é v o l u t i o n.) Он и должен откровенно быть революцией. Пусть он не издает декретов, по меньшей мере бесполезных, так как не может осуществить их; но пусть его голос будет услышан Францией и всем миром. Гордо укрепившись в своем п р а в е и в своей и д е е, пусть он победит с ними и с помощью их, если это возможно, или пусть падет, оставив невежественному и бедному народу в наследство идею, которая освободит этот народ...

П а р и ж о б л а д а е т с о ц и а л ь н о й и д е е й. О н д о л ж е н в ы с к а з а т ь е е. Он воплотил ее, правда, в своей Коммуне, но в слишком сжатой и туманной форме. Пусть он выскажет ее громко, ясно, определенно. В настоящую минуту ему нечем больше дорожить...

Между революцией и монархией идет борьба не на жизнь, а на смерть... В сущности, дело идет не о споре из-за слов, не о борьбе честолюбий, хотя слова и честолюбия занимают все-таки чересчур много места. Д е л о и д е т о в е л и к о м с п о р е б е д н о г о с п р и в и л е г и р о в а н н ы м, т р у ж е н и к а с п а р а з и т о м, н а р о д а с е г о э к с п л о а т а т о р а м и.

А тружениками, бедняками, угнетенными провинция так же полна, как и Париж. В провинции, как и в Париже и как во всем мире, они составляют большин-

ство, их двадцать на одного (богача), а то и больше. Нужно только суметь затронуть их самую чувствительную струнку... Предубеждение против Парижа и Республики очень сильно у крестьянина, но еще сильнее в нем материальные интересы. Монархисты берут верх, играя на его предубеждениях. Мы должны воздействовать на его расчетливость.

Эксплоатировать порок! — завопят на это те, кто эксплоатирует невежество и нищету. Ну да, раз вы не оставляете нам ничего другого. С другой стороны, если эта расчетливость и достигает у крестьянина размеров порока, она законна по существу и обусловливается нищетой, которая точит, грызет и убивает крестьянина морально и физически. О, конечно, было бы лучше возвысить его понемногу до понимания истины, обращаться к его уму и сердцу, а не к материальным аппетитам, не выпускать льва на добычу. Но кто виноват в том, что мы не могли этого сделать? Что и сейчас еще путь к свободной и мирной пропаганде закрыт для нас? Разве мы уничтожили народную прессу и устную пропаганду? Разве мы отказывали народу в широком и серьезном образовании, без которого всеобщее голосование превращается в ловушку, куда попадает и гибнет демократия? Разве мы пользовались народным суверенитетом для того, чтобы с его помощью насаждать монархии, которые держались бы по двадцать лет? Разве мы замкнули прочный круг, в котором можно было бы биться еще целые столетия: невежество народа порождает деспотизм, а деспотизм порождает невежество народа? — порочный круг, который нужно разбить, чтобы не задохнуться

с ием? Разве м ы призвали на нашу территорию этих ивных до добычи хищников, этих принцев, которых привлекают бедствия отчизны, подобно тому как запах трупа привлекает шакала? Разве м ы сделали из клеты орудие государственного управления? Разве м ы превращаем войну принципов (guerre de principes) в войну для удовлетворения жажды мести (guerre de vengeances)? Разве м ы расстреливаем пленных?.. Вы, только вы, лжецы и предатели, захотели такой войны, ровавой и беспощадной!» [1]).

От этих общих рассуждений о родстве интересов пролетариата и крестьянства, доведенного ходом капиталистического развития до полного разорения, о его умственной отсталости, позволяющей реакционерам вести его на поводу, о его собственнических инстинктах, лежащих в основе его поведения, — в следующей статье Андре Лео переходит к необходимости путем широкой агитации помочь крестьянину разобраться в том, где его друзья, и где враги, привлечь его на сторону революции и тем обеспечить ее торжество:

«Пусть Париж громко скажет населению деревень:

«Брат, тебя обманывают! Наши интересы одни и те же. То, чего требую я, хочешь и ты; освобождение, которого я добиваюсь, будет и твоим освобождением. В городе тот, кто производит все богатства мира, испытывает нужду в хлебе, одежде, у него нет крова, ему нечего рассчитывать на чью-либо помощь; но разве не то же в деревне? Разве не безразлично, как называется эксплоататор, богатым помещиком или капиталистом? Как и я, ты, при длинном и тяжелом рабочем дне, не получаешь даже того, что необходимо для удовлетворения своих физических потребностей. Тебе так

[1]) «La Commune», 9 апреля 1871. (Курсив мой. *А. М.*).

же, как и мне, недостает свободы, досуга, жизни для ума и для сердца. Ты и я — мы все еще рабы нищеты.

Вот уже около века, как тебе, крестьянину, бедному поденщику, твердят, что собственность — это священный плод труда, и ты этому веришь. Но открой же глаза и посмотри вокруг себя; посмотри на самого себя, и ты убедишься, что это — ложь. Вот ты — старик; ты работал всю жизнь, проводил целые дни от рассвета до ночи с заступом и серпом в руке, а между тем ты все-таки не богат и не имеешь даже куска хлеба под старость. Весь твой заработок ушел на воспитание детей, которых отнимает у тебя рекрутчина, или которые, женившись, будут, в свою очередь, влачить жизнь вьючных животных, чтобы кончить ее так же, как ты, — нищенством; потому что, когда сила твоих мускулов исчезнет и ты не будешь находить работы, ты станешь в тягость своим детям и будешь принужден с сумой на плечах и опущенной головою ходить от двора к двору, прося унизительной и горькой милостыни.

Это несправедливо, брат-крестьянин, разве ты не сознаешь этого? Ты видишь теперь, что тебя обманывают. Если бы собственность действительно была плодом труда, ты, который столько работал, был бы собственником. Ты владел бы маленьким домиком с огородом, которые были мечтой, целью, страстью всей твоей жизни, но которых ты не в состоянии был купить. А если тебе и удалось их приобрести, на свое несчастье, то лишь наделав долгов, которые высасывают из тебя все соки, гложут тебя, как червь, и заставят твоих детей тотчас же после твоей смерти продать так дорого доставшийся клочок земли. Нет, брат, от трудов праведных не наживешь палат каменных! Богатство передается по случаю или приобретается хитростью. Богаты лишь

...ецы, работники — бедняки и умрут бедняками. ...о общее правило; остальное только исключение.

Это несправедливо. Вот почему Париж, который ты ...звиняешь со слов людей, которым выгодно тебя обма...вать, волнуется, протестует, восстает и требует изме...ения законов, которые дают в руки богатых всю власть ...над трудящимися.

Париж хочет, чтобы сын крестьянина получал такое ...е образование, как и сын богача, и притом б е с...л а т н о, потому что наука есть общее достояние лю...ей и не менее необходима для жизни, чем глаза для ...рения.

Париж хочет, чтобы не был больше короля, кото...рый берет с народа тридцать миллионов и откармливает, сверх того, свою семью и челядь. Париж хочет, чтобы, с уничтожением этих громадных расходов, налоги зна...чительно уменьшились.

Париж хочет, чтобы не было больше должностей, оплачиваемых по 20, 30 и 100 тысяч франков, что позво...ляет одному человеку в продолжение года проедать со...стояние, которого хватило бы на много семейств; уже одна эта экономия дала бы возможность устроить убе...жища для инвалидов труда.

Париж требует, чтобы люди, не имеющие собствен...ности, не платили ни гроша податей, чтобы человек, имеющий только дом с садом, также ничего не платил; чтобы небольшие состояния были обложены слегка, и вся тяжесть налогов пала на богачей.

Париж требует, чтобы те пять миллиардов, которые нам придется уплатить Пруссии, были возложены на депутатов, сенаторов и бонапартистов, этих настоящих виновников войны. Пусть для уплаты контрибуции бу-

дет распродано все их достояние, на-ряду с имуществом короны, которая теперь не нужна Франции.

Париж требует, чтобы правосудие ничего не стоило тем, кто в нем нуждается, и чтобы народ сам выбирал себе судей из среды честных людей общины.

Париж хочет, наконец, — запомни это хорошенько, ты, сельский работник, бедный поденщик, мелкий собственник (которого гложет ростовщик), мызник, арендатор, фермер; вы все, кто сеет, жнет и трудится в поте лица своего, чтобы лучшая доля плодов вашего труда досталась какому-нибудь бездельнику, — Париж хочет, наконец, земли — для крестьян, орудий труда — для рабочих, работы — для всех.

Война, которую ведет сейчас Париж, это война против ростовщиков, лжецов и паразитов. Вам говорят: «Парижане, социалисты стоят за дележку». Но, добрые люди, разве вы не видите, кто ведет с вами такие речи? Разве не сторонник дележки тот, кто, ничего не делая, вольготно живет за счет труда других? Разве вам не приходилось слышать, как воры, чтобы замести следы, сами кричат: караул!.. и успевают скрыться, пока ловят мнимого вора?

Да, плоды земли тем, кто ее возделывает! Каждому свое! Работы для всех!

Пусть не будет больше ни слишком богатых, ни слишком бедных; ни труда без отдыха, ни отдыха без труда!..

Это возможно. Потому что лучше не верить ни во что, чем верить, что справедливость невозможна. Нужны только хорошие законы, которые и явятся тогда, когда трудящиеся не захотят больше терпеть, чтобы их обманывали бездельники.

И тогда — поверьте, братья-земледельцы, — те, кто производит мясо и хлеб, выгоднее продадут их на ярмарках и рынках; и для всех наступит такое изобилие, какого еще не было ни при одном императоре, ни при одном короле. Тогда работник будет есть вдоволь и досыта; труд будет свободен от тяжелых налогов, патентов и податей, которые первая революция не все унесла с собой, как это принято думать.

Итак, вы видите теперь, жители деревень, что дело Парижа — ваше дело; он работает для вас так же, как и для городских рабочих. Генералы, осаждающие сейчас Париж, это — те самые, что предали Францию. Депутаты, которых вы выбирали, не зная их, хотят вернуть нам короля — Генриха V. Если Париж падет, ярмо нищеты останется на вашей шее, его унаследуют и ваши дети. Помогите же ему одержать победу и, что бы ни случилось, хорошенько запомните эти слова, ибо революции будут происходить до тех пор, пока они не исполнятся: земля — крестьянину, орудия труда — рабочему, работа — всем!».

Эти слова будут услышаны. Земля это — страсть крестьянина, ни с чем несравнимая для него ценность, к которой направлены все его усилия, все его мечты. Подобная прокламация произвела бы огромное впечатление в деревнях. Она подняла бы Шер, Алльe, Ньевр, Верхнюю-Вьенну, Лионнэ, значительную часть юга. Она придала бы новые силы революционным городам и явилась бы сигналом к социальной революции, которую было бы лучше отложить до ухода немцев, если бы крайности монархической реакции не делали ее неизбежной сейчас.

Пути этой пропаганды? Их столько же, сколько в Париже демократов. У кого из нас, даже самых чисто-

кровных парижан, нет родных или друзей в провинции? Если они не боятся огня монархистов, неужели же они убоятся их тюрем? Нет надобности входить в большие подробности. Это — дело особой организации.

Не забудьте, что сильнее всего привязала крестьянина к первой революции отмена оброка и барщины, а также продажа национальных имуществ. При его невежестве, его понимание завоеваний революции ограничилось этим. Все остальное... интересует его мало. Заговорите с ним о политике, попробуйте убедить его, перечислите ему необходимые реформы, — он уйдет от вас почти равнодушным, попрежнему недоверчивым, чтобы через минуту забыть все, что вы ему сказали. — Заговорите с ним об уменьшении налогов, об организации кредита, об избавлении его от чрезмерных процентов, которые он платит капиталу, его взгляд оживится, и он скажет вам сердечно: если это так, то я с вами (si c'est ça, j'en suis)... Политика оставляет его равнодушным, социализм (экономика, *А. М.*), наоборот, интересует его (la politique le laisse froid, le socialisme le prend). Действуя тем же способом, что и революция 1789 года, а именно, освобождением земли от современного крепостного права, мы привяжем крестьянина к новой революции, этому дополнению к первой [1]).

---

[1]) Равнодушие крестьянина к политике и его крайнюю материалистичность подчеркивала и газета «Пер-Дюшен», которая прямо заявляла, что для крестьян «хорошим правительством» будет то, при котором (и благодаря которому) они смогут» с выгодой продавать свой скот, зерно и овощи». «Вот и вся их политика: другой они не знают...» («Le Père Duchêne», № 56 от 11 мая 1871, стр. 7—8).

А теперь за дело! Артиллерия Парижа это — социальная идея... Он должен послать призыв беднякам. У него нет выбора. Или Париж победит вместе с демократией, или демократия падет вместе с ним на долгие годы. Жизнь или смерть! Первая осада была ничто по сравнению с настоящей борьбой. Тогда мы имели против себя только правительство 4 сентября и пруссаков. Ныне, кроме этих двух врагов, нам противостоит с развернутыми знаменами открытая монархическая реакция, а также и провинция. Долой маски! Пусть по крайней мере наши будут с нами. (Que les nôtres du moins soient avec nous)! К нам Франция народная против Франции монархической, и пусть все силы будущего вступят в бой со всеми силами прошлого!..» [1]).

3 мая, публикуя вновь свой манифест к крестьянам, Андре Лео писала (в статье «Социализм и крестьяне»): «Провинция высказывается гораздо слабее в пользу Парижа, чем хотелось бы думать. Она гораздо менее за Париж, чем против Версаля. Мы имеем об этом самые точные сведения и из самого достоверного источника. Клевета всегда оставляет по себе след. Тьер это хорошо знает..., а он и его газеты, одни, могут свободно говорить, т.-е. лгать. С другой стороны, слишком велика разница в интеллектуальном отношении между Парижем и провинцией, чтобы последняя могла принять Парижскую Коммуну. Парижская революция — это социализм. Провинция же, в большей своей части, стоит за монархию, в меньшей — ра республику, и мало или вовсе не стоит за социализм (La pro-

[1]) «La Commune», 10 апреля 1871 года. (Курсив мой. *А. М.*)

vince est monarchiste d'abord, républicaine ensuite socialiste peu ou point).

Большие города Франции, на которые Париж так рассчитывал, не дадут ему, очевидно, как показали события, ничего, кроме слабенькой и явно недостаточной поддержки. А Париж один, что бы он ни делал, — надо в этом откровенно признаться — может только пролить борьбу до последних пределов героизма и отчаяния, — торжественная и знаменательная манифестация, которая не окажется бесплодной... в будущем; но не лучше ли подумать о настоящем?

Где же эта великая социальная революция, столь необходимая для бедняка, для угнетенного, для человечества, найдет свою точку опоры? У нее может быть только одна, естественная, солидная и прочная точка опоры — в народе (le point d'appui populaire). Социализм должен завоевать крестьянина, подобно тому, как он завоевал рабочего (Le socialisme doit conquérir le paysan, comme il a conquis l'ouvrier)... Правда, крестьянин столь же оклеветан в Париже, как парижский рабочий оклеветан в провинции. Но разве его и наши интересы не тожественны?..».

Крестьяне не изменились в своей привязанности к великой революции, которая освободила их от десятины и барщины и дала им землю; поэтому единственная монархическая реставрация, которой они не потерпят, это — реставрация Бурбонов с Генрихом V...

«План, предлагаемый здесь, не утопия, он основан на опыте... Вот почему мы заклинаем всех социалистов Парижа:

1. Сообщать в контору газеты «Социальная Революция» адреса провинциальных социалистов, которые

могли бы взять на себя хранение и распространение манифеста к трудящимся деревни.

2. Адресовать известное количество экземпляров этого манифеста своим родным и друзьям, живущим в провинции, и сделать это, если возможно, немедленно, не дожидаясь восстановления почтовой связи...» [1]).

Заметим тут же, что 100.000 экземпляров этого манифеста (в выработке которого принимал участие и член Коммуны социалист Бенуа Малон) разбрасывались с аэростатов [2]). Что касается газет, то появился он впервые, как мы уже видели, в «Коммуне» (10 апреля), затем был перепечатан «Социальной Революцией» (3 мая) и «Криком Народа» (12 мая). Интересно, что в официальной газете Коммуны он не нашел себе места. Таким образом формально он от Коммуны не исходил, на что указывает и стоявшая под ним подпись «парижские рабочие» («Les travailleurs de Paris»), вместо обычной: «Парижская Коммуна».

Комментируя этот документ, Н. Лукин совершенно справедливо замечает: «Можно с полным правом сказать, что авторы этой прокламации сумели подойти вплотную к самым животрепещущим, самым наболевшим вопросам, волновавшим деревенскую бедноту; сумели в живой и популярной форме доказать необходимость братского союза между городским и сельским пролетариатом, наметить выход из того тупика, в кото-

---

1) «La Sociale», 3 мая 1871. (Статья «Le Socialisme aux paysans».)

2) B. Malon. «La troisième défaite du prolétariat français». Neuchatel 1871; p. 196.— Правительство всячески старалось помешать распространению опасного манифеста. Так, например, в Невере была закрыта республиканская газета «La Tribune nivernaise», перепечатавшая у себя этот документ. («Journal officiel» Коммуны от 15 мая 1871.)

рый загнал деревню ход капиталистического развития... Конечно, выдвинутый здесь лозунг (земля — крестьянину, орудия труда — рабочему, *А. М.*) еще не означает обобществления всех средств производства, а в том числе и земли, что после решений Брюссельского и Базельского конгрессов Интернационала должно было стать официальным требованием социалистов. Возможно, что «синдикалистский» характер лозунга объясняется не только желанием популяризировать требования, выдвинутые революцией 18 марта, но и сознательным оппортунизмом авторов прокламации, боявшихся отпугнуть крестьянство, провозгласив принцип национализации земли» [1]).

Гораздо меньший интерес представляет прокламация Коммуны «к деревенскому люду» («Au peuple des campagnes»), помеченная 28 апреля. В этом воззвании выясняется происхождение и смысл революции 18 марта, которая «подлинно является величайшим актом народной справедливости, какой когда-либо имел место»; сущность коммунальной автономии; сообщается об избрании Коммуны, в котором приняли участие 250 тыс. человек; формулируются требования Парижа.

Прокламация признает, что поставленная Версалем в положение воюющей стороны Коммуна должна была, поневоле выступить в роли правительства, обеспечить, по возможности, правильное функционирование общественных учреждений и т. п., и таким образом выйти за пределы своей нормальной компетенции автономного парижского городского совета.

Подчеркивая, что Париж блокируется и обстреливается теми самыми изменниками-генералами, которые продали Францию пруссакам, прокламация рисует кре-

[1]) Н. Лукин. Цит. соч., стр. 273, 280.

стьянству две единственно возможные перспективы: либо версальцы ворвутся в Париж, и тогда — эшафоты, расстрелы, ссылки, запустение великого города, который «превратится в труп»; либо народ победит, и будет завоевана свобода для всей Франции: «расцветет освобожденный от всех оков... труд, оживут торговля и промышленность, разрушенные преступным поведением версальцев; широко разольется просвещение, насаждая интеллектуальное равенство, этот единственный источник и гарантию действительного равенства...» [1].

Разбираемый документ совершенно не затрагивает деревенских нужд и не выдвигает особых требований в интересах крестьянства. Автор (или авторы) его нам неизвестны.

Манифестом Андре Лео и прокламацией «к деревенскому люду» ограничились все попытки правительства Коммуны идейно воздействовать на крестьянство и привлечь его горячей агитацией на сторону революции. Всецело поглощенное борьбой с Версалем и заботами внутреннего управления и строительства, оно не сумело уделить должного внимания тому, что делалось вне Парижа. С другой стороны, если большинство публицистов, писавших о необходимости смычки с деревней, принадлежало к социалистическому лагерю, то в совете Коммуны руководящую роль играли якобинцы и бланкисты, плохо разбиравшиеся в социальных вопросах и склонные преувеличивать силы восставшего Парижа. Недооценивал значение провинции и Паскаль Груссэ, стоявший во главе «делегации внешних сношений», которая (по инструкции, выработ-

[1]) Н. Лукин, цит. сочин., стр. 270.– Эта прокламация напечатана в «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars.» Paris 1872; p. 545.)

ганной Коммуной 29 марта) должна была «поддерживать дружественные отношения с другими коммунами Франции», дабы подготовить почву для федерации, а также «содействовать путем пропаганды освобождению страны» (contribuer par sa propagande à l'affranchissement du pays). [1]).

Здесь, как и в других областях (например, в военной организации), давало себя знать отсутствие единства воли и мысли в рабочем правительстве Коммуны, отсутствие крепко сплоченной революционной пролетарской партии, имеющей стройную научно-обоснованную программу и последовательную тактику и руководящей всем движением, — что, в свою очередь, объясняется экономической и политической незрелостью парижского пролетариата в 1871 году.

Говоря о причинах враждебного Коммуне «нейтралитета» крестьянства, позволившего Тьеру безнаказанно громить революционный Париж огнем тяжелой артиллерии, чтобы затем ворваться в него после почти двухмесячной осады, мы не отметили еще одного весьма важного момента. Удержание на службе вернувшихся из Германии военнопленных, солдат бывшей императорской армии, в большинстве своем крестьянских сыновей, которых с нетерпением поджидала деревня, несомненно вооружало против Коммуны сельское население, совершенно не осведомленное об истинных причинах гражданской войны и жаждавшее лишь мира и возвращения к спокойному труду.

Рассеять эту злобу, открыть крестьянам глаза на истинных виновников гражданской войны, удерживающей их сыновей под стенами Парижа и заставляющей

[1]) Lanjalley et Corriez. «Histoire de la Révolution du 18 mars». Paris 1871; p. 159—160.

их проливать кровь своих братьев, парижских рабочих, — такова цель, которую преследует пламенная агитационная статья «Пленники Пруссии — пленники Версаля» («Prisonniers en Prusse — Prisonniers à Versailles»), появившаяся в газете «La Sociale», в авторе которой легко узнать г-жу Андре Лео.

«Тьер возвращает на родину французских военнопленных, интернированных в Германии», — так начиналась статья. — «Каждый день в Версаль прибывают солдаты разных армейских корпусов; освобожденные из когтей Бисмарка, они под конвоем жандармов доставляются в Версаль.

За вычетом бывшей императорской гвардии, эта насильственная вербовка для поддержания «порядка» вызывает большое недовольство среди наших храбрых солдат. Когда их освобождали из прусских тюрем, наши несчастные братья по оружию были уверены, что, раз война окончена, они вернутся к своим очагам отдохнуть от военных трудов и лишений, обнять и утешить заплаканную мать или старика-отца.

Они надеялись взяться за прерванный труд, вновь обрести дорогие им лица и то материальное благополучие, которое так необходимо человеку. Они возвращались, сияя радостью и вдыхая полной грудью воздух несчастной, искалеченной Франции, воздух отчизны...

Города и деревни были полны праздничного ликования. Надежда царила во всех сердцах: давно забытое веселье возвращалось вместе с весною!

Наступали, казалось, прекрасные дни; полевые работы должны были начаться, и жатва обещала быть богатой: так горячо грело солнышко.

Радость и бодрость читались на всех лицах.

Наши сыновья, наши братья, наши друзья, удерживаемые во вражеских тюрьмах, должны были вернуться во Францию!

. . . . . .

Ныне надежды обмануты, города и деревни вновь облеклись в траур, матери плачут украдкой:

Пленные не возвращаются.

Старику-отцу, согнувшемуся под тяжестью лет, который, опираясь на палку и грустно понурив голову, выходил за околицу поглядеть на большую департаментскую дорогу, по которой должен был прибыть его сын, его единственное утешение и опора, не остается ничего больше, как умереть: его сын не вернется!

Отцы, матери, братья, сестры, друзья, знайте, что все без исключения кавалеристы и пехотинцы, ваши близкие отправлены в Версаль, этот город деспотов, ныне город преступников!

Матери, ваши сыновья — в цепях и может быть никогда не увидят вас больше!

Братоубийственная борьба идет под стенами Парижа. Бесчестные, вероломные, безжалостные негодяи, разъяренные против великого города, хотят превратить его в гору трупов. Они бомбардируют Париж, убивают беззащитных женщин, матерей, хладнокровно расстреливают военнопленных, — завтра, будь они в состоянии, они сожгли бы Париж.

Матери, ваши несчастные сыновья, брошенные в этот кровавый водоворот, завтра, быть может, будут убивать своих братьев! Подгоняемые жандармами и

[illegible]уанами, они должны будут, под угрозою расстрела, с ружьем в руках итти против п р а в о г о дела!

Как велика должна быть ваша скорбь, достойные женщины!.. Когда дело шло о защите Франции, Республики и вашей земли, когда нужно было итти против завоевателя, – спокойные, полные решимости, вы стойко переносили свои страдания; вы поддерживали бодрость в сердцах ваших сыновей, вы побуждали их к борьбе и терпеливо ждали часа победы.

Но теперь все изменилось; место иностранного завоевателя заняла шайка изменников, трусов и хищников.

Ныне, это уже не война, а организованное убийство. И ваши сыновья оказываются послушными орудиями в руках этих негодяев!

Пусть же вся Франция, вся воинствующая Франция, восстанет против подобных деяний! Пусть подлецы, которые во время войны занимались только предательством и расхищением общественного достояния, будут, наконец, посажены на скамью подсудимых, а их деяния заклеймены историей!

В тот день ваши сыновья и братья вернутся к вам; пленники Тьера, Фавра и Винуа, они получат, наконец, свободу. Прерванный труд вновь закипит, и спасенная Франция возродится более прекрасной, чем когда-либо!

Матери, мужайтесь! Париж не падет, ваши сыновья скоро возвратятся к вам утереть ваши слезы; они возвратятся тогда, когда дело справедливости восторжествует, и принесут вам ту ласку и утешение, в которых вы так нуждаетесь!

Час возмездия близок!» [1]).

---

[1]) «La Sociale», 13 апреля 1871. (Курсив мой, *А. М.*)

Эта статья появилась 13 апреля, что и оправдывает ее оптимизм. Правда, к этому времени провинциальные движения были уже подавлены (марсельская коммуна пала 5 апреля), но военные действия под Парижем шли с переменным успехом, и решительные успехи версальцев были еще впереди. Ход событий должен был однако вскоре подорвать этот оптимизм, если не окончательно вытравить его из статей наиболее трезвых публицистов. Яд клеветнической кампании правительства и контрреволюционной прессы производил то действие, на которое рассчитывали Тьер и Национальное Собрание.

Если не считать демонстраций с красными знаменами под лозунгом «да здравствует Коммуна», имевших место в некоторых сельских округах департамента Жиронды в середине апреля (и перекинувшихся туда из Бордо), да отдельных крестьянских «беспорядков», происшедших в департаментах Ньевр и Шер (где были популярны имена Ина и Гамбона) [1], — то, в общем, крестьянство безмолствовало и ничем не проявляло своих симпатий к Парижу.

С тревогой в душе спрашивает Андре Лео по прочтении одного из циркуляров Тьера: «...Неужели мы дождемся того, что варварство деревень обрушится на цивилизацию городов и задушит ее; что Париж падет, истекая кровью, раздавленный тяжелым сапогом крестьянина? (Veut-on attendre que la barbarie des campagnes se rue sur la civilisation des villes et l'étouffe; que Paris tombe sanglant, martelé, sous le sabot ferré du paysan?)» [2].

---

[1] Ф. Жукин, цит. сочин., стр. 397.

[2] «La Commune». 22 апреля 1871. («Appel aux consciences après lecture de la circulaire de M. Thiers»).

В этих словах чувствуется явное беспокойство за судьбу революции, которая не продержится и дня, если натравленное на столицу крестьянство выйдет из своего пассивно-враждебного состояния и более активно вмешается в великую распрю между Парижем и Версалем.

Правда, уже две недели спустя та же Андре Лео, анализируя настроение провинции, успокоительно замечала, что, несмотря на полную оторванность Парижа от остальной Франции и бешеную травлю коммунаров, нечего бояться новой «жакерии» (une jacquerie contre Paris). Как бы ни было крестьянство возбуждено против Парижа, оно отнюдь не стоит за монархию, и если выбрало в Национальное Собрание монархистов, то только потому, что они обещали ему немедленный мир, в то время как республиканцы высказывались за продолжение войны. Теперь, после заключения мира, Национальное Собрание ни в какой мере не выражает настроения и воли Франции и, оставаясь у власти, становится на путь узурпации.

Между тем, «испытания вражеского нашествия послужили населению провинции хорошим уроком, который не пропал даром. Оно уловило, хотя бы в общих чертах, наличие того монархического заговора, лозунгом которого повсеместно было: пусть лучше погибнет Франция, лишь бы не победила Республика (périsse la France, plutôt que vive la République)». Поговорите с крестьянином или солдатом, он неизменно ответит вам: «Нас предали». «На этой почве у солдата и у крестьянина выросло презрение и ненависть ко всему что носит галуны на кэпи, и глубокое отвращение к войне. Дело здесь не в трусости (крестьянина или солдата), но в том, что они убеждены в бесполезности

дальнейших усилий при наличии таких вождей. Видя себя преждевременно побежденными изменою, они захотели мира, сохранив однако надежду на реванш при более благоприятных обстоятельствах».

Итак, в результате войны, крестьянин приобрел «спасительную ненависть (l'horreur salutaire) к густым эполетам и сабле... и, как ничто другое, он готов с легким сердцем простить парижской революции убийство (двух) генералов. Наконец, он, если и не вполне уяснил себе еще (смысла происходящего), то все же достаточно подготовлен к пониманию его. Если бы демократическая пропаганда могла свободно распространяться, население деревень и население городов составили бы вскоре одну семью, отныне всемогущую против эксплоататоров. Помещики сознают это; потому-то и стараются они окружить себя молчанием и мраком. Рассеет ли их восставший Париж? Пусть он бросит клич, достаточно могучий и единодушный, который донесется до самой глухой деревушки и будет услышан там, клич мученика, умирающего за свою веру: да здравствуют свободные коммуны! да здравствует Республика! да здравствует равенство!» [1]).

Так, до самого последнего дня, пессимистические нотки и мрачные предчувствия чередуются с иллюзиями и надеждами, трезвая оценка действительности — с игнорированием фактов и беспочвенным оптимизмом. Горячий энтузиазм не хочет внять голосу холодного рассудка. Вера в правоту своего дела и переоценка своих сил не дают места сомнениям. Париж должен по-

[1]) «La Sociale», 12 и 16 мая 1871. (Статья «Le complot monarchique en province»). (Курсив мой. *А. М.*)

бедить и он победил. Провинция не сможет устоять пред обаянием идеи, за которую он борется.

14 мая, в клубе церкви Николая-на-Полях, член Коммуны Амуру назначает восьмидневный срок для победы над Версалем. 15-го, в том же клубе, только что прибывшая из провинции гражданка Полина Менк, основываясь на своих личных впечатлениях, а также на некоторых привезенных ею документах, утверждает, что коммуналистское движение принимает в провинции широкие размеры и проникает даже в деревни, где налицо определенные симпатии к Парижу и восхищение его героизмом [1]).

21 мая, в самый день вступления версальцев, обсуждая возможность прусского вмешательства, Казимир Буи выражал уверенность, что «если когда-нибудь версальская армия ворвется в Париж победительницей через брешь, пробитую в его стенах прусскими пушками, она найдет за ней всю Францию, восставшую, как один человек, чтобы отомстить за него» [2]).

«Старая Франция умирает, — писал Пьер Дени в тот момент, когда версальцы уже были в Париже. — Еще сорок дней, и новая Франция воспрянет, прекрасная в своем возрождении» [3]).

Газета «Крик Народа» (в номере, вышедшем 22 мая), устами Казимира Буи, заявляла: «Париж знает, что он не может умереть. Бомбы версальцев, пули жандармов могут, конечно, нагромоздить гору трупов, но

[1]) «La Révolution politique et sociale», 16 мая 1871 (numéro spécimen). «Journal officiel», 16 мая 1871.

[2]) «Le Cri du Peuple», 21 мая 1871. (Статья «Encore les Prussiens»).

[3]) «Le Cri du Peuple», 23 мая 1871.

идея, революция, будет все же парить над ними и поднимет на борьбу (всю Францию), вплоть до последней деревушки (jusqu'au dernier village)» [1].

* * *

«Коммуна имела полное право объявить крестьянам «Наша победа — ваша надежда!». Самой наглой клеветой, пущенной в ход в Версале и разнесенной по всему свету достославными башибузуками европейской печати, было утверждение, что помещики Национального Собрания являлись представителями французских крестьян.

«Неправда ли, как правдоподобна эта внезапно вспыхнувшая во французских крестьянах любовь к людям, которым они после 1815 г. должны были заплатить миллиард вознаграждения! В глазах французского крестьянина уже самое существование крупного поземельного собственника есть посягательство на его завоевания 1789 года.

«В 1848 г. буржуа обложили землю крестьян добавочным налогом в 45 сантимов на франк, но сделали это именем революции; теперь же они затеяли гражданскую войну против революции, чтобы взвалить на плечи крестьян главную тягость 5 миллиардной контрибуции, которую они обязались уплатить пруссакам.

«Коммуна же, напротив, заявила в одной из первых же своих прокламаций, что бремя войны должны нести настоящие виновники ее. Коммуна освободила бы крестьянина от «налога крови», дала бы ему дешевое правительство, заменила бы таких пиявок, как нотариуса,

[1]) «Le Cri du Peuple», 22 мая 1871. (Статья «L'Assaut»)

адвоката, судебного пристава и проч., — наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она освободила бы его от произвола полевого сторожа, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем.

«Французский крестьянин прежде всего рассчетлив. Он нашел бы вполне разумным платить попам не из сумм, взимаемых сборщиками податей, а из доброхотных пожертвований, размер которых зависел бы от степени набожности общины. Вот какие существенные блага обещало непосредственное господство Коммуны — и только Коммуны — французским крестьянам. Поэтому излишне останавливаться здесь на тех более сложных и действительно жизненных вопросах, которые только одна Коммуна могла и необходимо должна была решить в пользу крестьян; таковы вопросы об ипотечном долге, который тяготел на крестьянской земле, о сельском пролетариате, возрастающем со дня на день, об экспроприации самих крестьян, которая совершалась все быстрее и быстрее, благодаря развитию новейшего сельского хозяйства и конкуренции капиталистического земледелия...

«Крестьянин был бонапартистом, потому что он отожествлял великую революцию и принесенные ему ею выгоды с именем Наполеона. Этот самообман при Второй Империи быстро исчезал. Этот предрассудок прошлого (по существу своему враждебный стремлениям «помещиков») не мог бы устоять против призыва Коммуны к жизненным интересам и насущным потребностям крестьян...

«Коммуна хотела подчинить сельских производителей умственному руководству окружных городов и

обеспечить им в городских рабочих естественных представителей их интересов...

«Помещики отлично понимали (и этого они больше всего боялись), что если коммунальный Париж будет свободно сообщаться с провинциями, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет поголовное крестьянское восстание. Потому-то они так трусливо спешили окружить Париж полицейскою блокадой, чтобы помешать распространению заразы» [1]).

Этими немногими строками из блестящей работы Маркса, всецело подтверждающими вышеизложенное, мы и закончим наш очерк постановки проблемы смычки города и деревни в революцию 1871 года.

Никитин.
Иванов
Тайцина.

1992

---

[1]) К. Маркс. «Гражданская война во Франции (1870—1871 г.)». Изд-во «Красная Новь» 1923; стр. 41—44.

F I
4582